

АКАДЕМИЯ МАГИИ

НАТАЛЬЯ МАЗУРКЕВИЧ

ЭЛЬФИЙСКИЙ
ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

Annotation

Хуже переезда может быть только... переезд! Так я считала, собираясь к родителям на историческую родину. К возвращению готовилась обстоятельно – договорилась с отцом, подала документы в Лескантский университет и даже купила новенький молоток для практикума по изобретательству. Вроде бы учла все, но... Судьба послала мне остроухого недотепу, что умудрился поломать все мои тщательно продуманные планы и перевернуть жизнь с ног на голову. Взять хотя бы то, что теперь вместо изучения любимого дела я вынуждена постигать тонкости эльфийской культуры...

Наталья Мазуркевич

Эльфийский для начинающих

Иллюстрация на переплете А. Дубовика

© Мазуркевич Н., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1. Первый день на новом месте

– Здесь какая-то ошибка, – постаралась как можно спокойнее произнести я, подавая секретарю декана, госпоже Крымси, выданное мне расписание.

С выражением вселенской муки на лице троллиха взяла листок из моих подрагивающих пальцев – мука в исполнении тролля и лучших из нас приводит в панический ужас! Я знала, что она там увидит. Факультет межрасовых отношений, специальность «лингвострановедение», специализация «эльфы». И если с первыми двумя пунктами я была целиком и полностью согласна, то последнее вызывало дикий протест.

Из-за работы отца нам пришлось вновь вернуться в столицу империи Таан-Рен, откуда мы и были родом. Точнее, там родились мама, папа и два моих старших брата, мне же повезло появиться на свет на новом месте работы главы нашего семейства – в стольном гномьем граде Парящие горы. Сюда мы перебрались, чтобы папа был поближе к производству. Но товары, производимые совместным предприятием папы и гномьего старейшины Гроха, становились все популярнее, и лорд Никлос, мой отец, был вынужден вернуться с семьей на родину, чтобы проконтролировать создаваемый здесь филиал. И все бы ничего, но маменька, уставшая от гномьих общин, пожелала задержаться на родине. Убедить отца повременить с возвращением ей также удалось. А через полгода проживания в Ле-Сканте они захотели забрать домой и единственную дочь. Увы, до совершеннолетия мне оставалось еще три месяца, а потому отказаться, подобно братьям, я не могла – пришлось идти на уступки.

Уступкой стало мое поступление в Лескантский университет на факультет межрасовых отношений, куда я должна была перевестись, чтобы продолжить изучение гномов. Именно с ними я собиралась связать свою жизнь, продолжая папино дело и помогая братьям.

Отец меня горячо поддержал и обещал подать документы, а маменька... Маменька смирилась, что зять у нее будет из высших кругов, ведь иных студентов на самом дорогом факультете не держали. Родители поступивших в святые стены межрасового факультета были обременены либо состоянием, либо властью, а чаще и тем и другим.

Но судьбе оказалось угодно иное. Письмо из деканата, полученное за день до начала учебы, извещало, что учиться мне предстоит с первым курсом эльфятников. Любимые мои гномы оказались недоступны, хотя именно их обещал мне отец, а ему, в свою очередь, – ректор, принявший весьма нескромный дар. Впрочем, о том, что его светлость Шарлин Трембли был близким другом отца, кричать на каждом углу я не собиралась. Если бы не «письмо счастья» из деканата.

Собравшись с утра пораньше, я отправилась в деканат выяснить подробности случившегося произвола. Не без проблем отыскала кабинет декана, но к самому лорду Альвенду меня не пустили. Секретарша грудью заслонила дверь любимого шефа и оттеснила меня к своему столу, у которого я и замерла, пытаясь докопаться до истины.

– Простите, – начала я свою речь. Мой обычно звонкий голос походил сейчас на писк комара. Хорошо хоть по противности с ним мало что могло сравниться, и пусть с недовольством, но госпожа Крымси посмотрела на меня. – Я подавала заявление на...

– Межрасовые отношения? – гаркнула троллиха, не желая меня слушать.

Я кивнула.

– Лингвострановедение?

Опять кивок.

– Так чем вы недовольны, милочка? – взорвалась троллиха.

Я отступила на шаг, не зная, куда мне податься, чтобы переждать бушующий шторм.

– Но я на гномов подавала, – осипшим голосом напомнила я и протянула копию своего заявочного листа. Там аккуратным папиным почерком в графе приоритета были вписаны гномы.

– Нет мест! – рывкнула госпожа Крымси.

– Но мне сказали, что они есть! Я же переводилась, – напомнила я о досадной случайности. Если бы на момент подачи моей заявки не было бы места, у папы бы просто не взяли документы. И лучше бы не взяли, сидела бы я сейчас в Заколдованных Горах, на краю гномьего царства, в сто тридцать пятой аудитории и слушала бы об особенностях добычи драгоценных камней.

– Значит, пришел кто-то с большим приоритетом, – отрезала троллиха. – Радуйся, что вообще взяли. Знаешь, какая очередь к эльфам! Не иначе как чудом попала! Да любая бы на твоём месте!.. – договаривать госпожа Крымси не стала, но вот от искушения бросить мимолетный, на пять минут, взгляд в зеркало не уклонилась.

Я искренне посочувствовала бедняге, вынужденному терпеть госпожу Крымси и ее косметические изыски каждый день. А ведь гномы верили, что у зеркал есть душа...

– Все, уходи!

– Но...

– Иди, я тебе говорю. К гномам все равно не попадешь, а магистр Реливиан опоздавших не любит. Да еще и в середине года.

– Но я ничего не знаю про эльфов! Я с гномами всю жизнь прожила! – в отчаянии напомнила я.

– Ничего, гномы, эльфы – все на одно лицо! Справишься! – заверила меня троллиха, сложила мои документы стопочкой и протянула мне. – Вперед. И чтобы я тебя больше здесь не видела. Документы забирать, если надумаешь, в восьмом кабинете.

И меня выставили из приемной, будто я была простой горожанкой – без объяснения причин, извинений или хотя бы дружеского участия! Вот так тебе и надо, Антарина, нет, чтобы принять предложение сына мастера Гроха. Сейчас бы к свадьбе готовилась, а не бегала по кабинетам!

После пребывания в руках троллихи листок с расписанием немного помялся. С неудовольствием я попыталась выровнять его, сгладив складки, но ничего не вышло. Кто-то более верующий углядел бы в этом символизм, но гномы верили только в себя, заговоренную кирку и духов штолен. А я провела с ними слишком много времени, чтобы, как и маменька, веровать в Пресветлого Лексана и его приспешников.

Вскоре меня постигло и второе разочарование. Из номера аудитории невозможно было сделать никаких выводов. Привыкнув к гномьему порядку, я отправилась искать сто седьмую на первом этаже, но там имелись только цифры от одного до семнадцати. А в той самой седьмой, которая значилась у меня местом проведения первой пары, находилась кладовка завхоза. Подергав дверь, я ушла ни с чем. Даже швабра не посчитала меня достойной, чтобы вывалиться и поприветствовать новую студентку.

Пара же закономерно началась, пока я сидела в приемной декана. Опаздывать на самом престижном факультете университета оказалось, к моему сожалению, не принято, и коридоры пустовали. Студенты приходили вовремя или вовсе не являлись на пары. В

последнем случае, согласно изученным мною «Правилам внутреннего распорядка Лесконтского университета», необходимо было принести оправдательный документ и отработать пропущенную тему в объеме, указанном преподавателем.

А я на первую пару уже не попала... Припомнив единственного виденного мной эльфа, я тяжело вздохнула. Даже будь я при смерти, мне вряд ли простили б опоздание на минуту, а прогул в первый день, да еще в середине года... И ведь не объяснишь остроухому, что в аудиториях запуталась. Это не мастер Догрус, который бы самолично указатели прибил, чтобы дети по шахтам не плутали.

По всему выходило, что лучше мне покинуть здание факультета сейчас, пока никто не заметил мои прогулки, взять экипаж и доехать до третьего дома по улице Благодеяний к нашему семейному доктору. По дороге я как раз смогу придумать достойную жалобу, по причине которой добрый доктор напишет мне справку и прикроет произошедшее недоразумение. В теории так и полагалось сделать, но на практике вышло из рук вон плохо.

На схеме здания, вывешенной не иначе как для галочки – никому и в голову не могло прийти, что кто-то станет ее изучать! – запасной выход отсутствовал. Как и черный ход, мусорный тоннель и великое гномье изобретение – убегатор. Отсутствие последнего заставило меня тоскливо вздохнуть и что есть сил припустить к главному входу.

«Если все, кто должен, уже на парах, – рассудила я, – то путь, по идее, свободен. Не придет же в голову преподавателю появиться на факультете за час до собственного занятия?»

Я рассуждала по-своему верно: гномы больше механики, денег и собственной родни ценили лишь одно – время. Никому бы из них и в голову не пришло потерять целый час, высиживая в своем кабинете. Но то гномы!

Потянув на себя входную дверь, я поняла, как ошиблась. С недобрим прищуром больших миндалевидных глаз на меня смотрел достойный представитель семейства остроухих. Блондинистый и тонкогубый, как весь их род. И ни толики укоризны, столь любимой их фанатами, не было в этих грязно-серых глазах – только презрение. Ничем не замутненное, выкристаллизованное за годы тренировок в лесах, в совершенстве освоенное презрение к роду человеческому изливалось мне прямо на голову.

Но не беспомощно искривленные губы и раздутые ноздри заставили меня тяжело вздохнуть. Нет, я искренне пожалела, что уступила матушке и надела утром форменное, пусть и сшитое на заказ, платье, вместо прощального подарка мастера-химика Взрува – любимого противокислотного комбинезона. Если бы только я была в нем, я могла бы проскользнуть мимо замершего эльфа. А так, в платье с волочащимся подолом – оставалось только пасть к ногам блондина.

– Простите, милорд. – Я опустила очи в пол и отступила на шаг, давая высокородному дорогу. Да, в случае надобности можно и на горло собственной песне наступить и книксен изобразить. Кривенький, конечно, но разве чего-то другого эльфусы ожидают от бесталанных человеков?

– Имя? – холодно оборвал мои размышления блондин.

– Антарина Тель-Грей, – послушно представилась я, понимая, что ужинать с ректором придется в ближайшем будущем.

– Преподавателя, – поморщившись, уточнил остроухий. Идти своей дорогой он не собирался, как и отпустить дверь. Или хотя бы отойти в сторону – мне бы и двух локтей длины хватило бы для красивого отступления.

– Магистр Реливиан, – сверившись с бумажкой, ответила я.

– И? – упрямо не понимал намеков эльф, игнорируя бумажку в моих руках.

– Не удалось отыскать аудиторию, – пискнула я, подражая кухне. Она хвасталась, что таким образом смогла откосить от парочки взысканий, ибо мужчины не любят иметь дело с дурочками.

– Поэтому вы решили уйти и проветриться? – не повелся на уловку мой собеседник.

– Я не знала, что мне делать! – старательно выдавливая слезу, воскликнула я и, пока мужчина не пришел в себя, применила тайное оружие дев, попавших в беду. С боевым хныканьем бросилась к вражьему посланнику, вцепилась в него мертвой хваткой и, жалобно заглядывая ему в глаза, попросила:

– Не оставьте в беде! Я так хотела попасть на курс магистра! Специально из Заколдованных Гор приехала, родителей уговорила, в деканате едва от счастья не расплакалась, попала на курс... И не нашла аудиторию! – провыла я, с трудом удерживаясь от смеха, но комбинируя обстоятельства, чтобы эльф не заметил лжи.

Эльф с выражением гадливости на благородной физиономии двумя пальцами отцепил меня от себя, совсем уж неподобающе вздернув за воротник платья.

– Идемте! – рыкнул он, как будто имел родственников среди оборотней. И не слушая моих сбивчивых – от страха – благодарностей, потащил вверх по лестнице. Кажется, мне все же придется посетить эльфийский и обрадовать преподавателя своими шокирующими познаниями. А ведь так хорошо получалось – любой здравомыслящий гном отправил бы меня в медкабинет. Но, кажется, эта глава моей жизни кончилась окончательно и бесповоротно.

Ступеньки сменяли друг друга, а мне едва ли приходилось передвигать ноги. Эльф, пожелавший лично скинуть меня на врага – чем иначе можно было объяснить пыл, с которым он тащил меня вверх, – сердито сопел. Ну ничего, не такая уж я тяжелая, чтобы демонстративно страдать. Матери моих друзей постоянно пытались подкормить «немочь бледную», а эльф делал вид, что надрывается. Эх, в шахту б его, дневную норму отработать – гномы быстро объяснили бы, что такое тяжело. Помнится, пошла я с ними как-то на экскурсию – вернулась специалистом по работе щеткой по металлу. Хорошо хоть матушка не заметила грязь на плече: лицо и шею я отмыла на месте, а крошечное пятнышко ржавчины и не заметила. Но здесь, в Ле-Сканте, чувствовали мои поджилки, будет труднее... Это не гайки крутить – серьезное дело для молодых барышень предстоит, учиться вести светскую беседу, и не про поверхностное натяжение или содержание вредных примесей в руде.

Тяжело вздохнув, я споткнулась и едва не уронила эльфа прямо на ступени беломраморной лестницы. Еще бы красную ковровую дорожку сюда – и вся столичная желтая пресса наша. Все как в нехорошем романе.

– Поднимайтесь, – с раздражением бросил мне эльф, вздергивая на ноги. И это утонченно-галантный эстет? Враки, как есть пропаганда!

– Спасибо, – поблагодарила я блондинистый кран. Хотя по качеству моей транспортировки и подъема грешно было сравнивать превосходное промышленное изобретение с эльфусом. Недаром гномы эльфов недолюбливают. Ни истинного величия, ни сдержанного спокойствия, ни суровых глаз, косящихся на фляжку с настойкой. А уж после одной ничто почтенного гнома не проберет: ни обвал, ни затопление штолен. Разберут и выплывут. Вот такие они, настоящие гномы!

Наша остановка у двери с табличкой «сто семь» ясно намекала на мое скорое знакомство с «настоящими эльфами». Оставалось надеяться, что те не станут сразу

брататься, иначе я рискую не доползти до дома. Впрочем, чего не сделаешь ради уважения общины.

Зря нервничала! Эту простую истину я уловила, едва мой конвоир открыл дверь и подтолкнул замершую от счастья меня в аудиторию. Тишина ударила по нервам, как новый молот старейшины в гонг. А хорошо здесь учили, слаженность работы налицо: синхронно вздернутые бровки, презрительно изогнутые губки – и все без различий: мальчик ты или девочка. И хороводил всем представлением замерший у доски блондин.

Высокий, на целую голову выше моих ста шестидесяти. Тонкий, но не сказать чтобы хрупкий. Сила в руках точно имелась – мел покрошил в считанные секунды. Не иначе как от счастья видеть меня. Пальцы длинные – шею лучше не подставлять. Губы недовольно поджал и глаза прищурил, но до василиска ему было далековато, и я не слишком испугалась. Так, сделала пару шагов назад и уперлась спиной в своего провожатого. Серые глаза довольно блеснули: произведенным эффектом магистр явно был удовлетворен.

– Принимай опоздавших, – возвестил о прибавлении в списке студентов мой провожатый и ретировался.

Вот за что эльфов не жаловали, так это за любовь к побегу. Накосячил и смылся, как говорили умные гномы своим детям, предостерегая от общения с остроухими. А уж какая легенда в фольклоре гномьего царства имелась! «О трусливом бегстве Лереана, сына Эсталиана, его долгожитии и обретении длинноухости» – до сих пор на первых строчках рекомендуемых государством гномьих изданий. Переиздаваемая ежегодно!

Наверное, мечтательное выражение на моей ностальгирующей мордочке сбило эльфа с мысли, ибо вместо традиционных упреков магистр Реливиан прищурился, смерил меня нехорошим взглядом и... промолчал. Увы, это блаженное состояние не продлилось у него вечно. Врожденное неприятие иных рас сказывалось. Поговаривали, остроухие даже драконов пытались убедить, что те – жалкая пародия на их блондинистых светлостей.

– Имя? – отойдя от моего феерического появления, поинтересовался уже второй виденный мной эльф. Никакого разнообразия. Но я была подготовлена! Теперь я знала, что эльфусу нужно имя преподавателя. Странно, конечно, но вдруг он забыл...

– Магистр Реливиан, – четко отрапортовала я и протянула помятое расписание.

– Не мое – ваше, – раздраженно поправил меня эльф, но до членовредительства не опустился. Пока.

– Антарина Тель-Грей. – Как хорошая девочка, я даже книксен изобразила. Тот самый, кривенький.

– Садитесь на свободное место. После занятия задержитесь, – предупредил меня эльф и вернулся к прерванному рисованию на доске.

Тут уж я удивленно замерла. Первый эльф являл собой эльфуса классического, а вот второй... Про таких представителей вида я ничего не знала. Что ж, проблема нуждалась в тщательном изучении и подробном описании для потомков.

Хмыкнув, я на глаз определила расстановку сил в аудитории и отправилась на последний ряд. Помещение было небольшим, как и заседавшая здесь группа из двенадцати темных личностей, провожавших меня нехорошими взглядами. Ничего, это они не видели сторожевого василиска! Вот там да, настоящий мастерский взгляд в спину – обернуться боишься, вздрагиваешь, а тут... Неудовлетворительно, но что еще можно ожидать от эльфоведов.

Последний ряд не пользовался популярностью. Дюжина озабоченных эльфами

студентов ютились на двух первых, будто это могло принести им чуточку больше знаний. На деле же было забавно наблюдать, как они толкаются локтями, пихая друг дружку и заставляя коллег ставить кляксы.

То ли дело гномы и их новейшее изобретение, продававшееся пока лишь на внутреннем рынке, – бескляксовое перо. На первый взгляд простое изобретение, но чтобы добиться нужного результата, выпускникам академии Заколдованных Гор пришлось потратить три года. Химики работали над составом чернил, металлурги подбирали сплав, горные разведчики приносили образцы руд, ювелирных дел мастера создавали основу. И наконец, год назад, усилия гномов были вознаграждены. У них получилось создать первое бескляксовое перо – гордость всего народа.

Писать новым пером было одно удовольствие – легкое в скольжении, оно не оставляло грязных разводов на бумаге. Черточка, вторая, третья – рисунок легко ложился на страницу в моей единственной пустой тетради. Остальные были уже на треть заполнены конспектами из Заколдованных Гор.

Эльф о чем-то вещал, но я не прислушивалась. Пыталась первые пять минут, но после отказалась от этого бесполезного занятия. Эльфийский был мне чужд. Абсолютно, безусловно чужд. Все известное мне сводилось к тому, что им пользуются остроухие. Соответственно, по-эльфийски я могла сказать только три ритуальные фразы: «Скидки не делаем!», «Лучший товар в городе!» и «Катитесь к демонам, проклятые остроухие!» Все три фразы были наследием мастера Кривза, у которого я имела честь подрабатывать пару недель. Увы, долго наше сотрудничество не продлилось. Кто-то из клиентов похвалил меня перед матушкой за старание и прилежание. На следующий день меня выволокли из лавки под осуждающими взглядами прохожих. Осуждали маменьку, ибо подобное поведение не красило ни одну гномку!

Тоскливо вздохнув, я выглянула в окно. Серое небо как нельзя лучше передавало мое настроение. Птицы затаились в предчувствии грозы. И только один глупый скворец пытался отогнать неприятности, активно махая еще слабыми крылышками. Да уж, картинка – то, что нужно. Очень вдохновляет на подвиги.

Лекция завершилась незаметно. Грохнули скамейки, возвещая о всеобщем поднятии поп. Хмыкнул преподаватель, внимательно оглядывая студюзов, скривился при виде меня... Все, как и полагается.

– Леди Тель-Грей, за мной, – коротко распорядился эльфус. Коллеги с неприкрытым раздражением покосились на меня. Да уж, мы точно подружимся. Обязательно. В следующей жизни, когда за все свои прегрешения я стану эльфом.

Напевая себе под нос мотивчик из единственного популярного в Заколдованных Горах мюзикла «Три гнома и одна мышь», я спустилась по лесенке вниз. Сумка привычно массирует мне бедро, ритмично постукивая по местам возможного целлюлита. Свое перо я мстительно забрала, а вот картинки с доски – оставила. Пусть знают, какие таланты к ним прибыли!

Кабинет эльфа, как и полагается большой шишке, находился на преподавательском этаже, по соседству с деканским. Три пролета вниз и повернуть направо от каморки, где мы ныне заседали. Не дожидаясь, пока я его догоню, магистр Реливиан шагнул в оплот своей учебной власти. Я вздохнула, для храбрости потеревила ремешок сумки и шагнула в клетку с эльфом.

– Садитесь, – хмыкнул магистр. Сам он предпочитал стоять. На фоне окна с грозowymi тучами он казался маленьким и ничтожным, песчинкой, посмеившей сравнивать себя со стихией. То ли дело... Закончить мысль мне не позволили. Эльф скривился, как будто прочитал мои мысли, и поспешил присесть. Я отпраздновала маленькую победу и, как приличная девочка, положила ладошки на колени – свои, имею честь заметить! – выпрямила спину и с обожанием на веснушчатой мордашке уставилась на преподавателя.

Магистр нахмурился. Я промолчала. Магистр презрительно усмехнулся. Я ответила искренней улыбкой – представила свой молоток. Магистр кашлянул.

– Будьте здоровы! – вежливо отозвалась я.

– Буду, – невежливо хмыкнул эльф.

Я с воодушевлением кивнула. В моей голове уже вырисовывался примерный план описания эльфа, куда первой строчкой будет вписано: «Эльфус хмыкающий, подвид...» Увы, подвид я смогу указать, только обнаружив второго, а лучше, третьего представителя вида. Но я не отчаивалась. Все ради науки! Гномы мне еще памятник в нержавеющей соорудят. За заслуги!

– Леди Тель-Грей, – начал эльф. Я с недоумением отметила, что магистр избегает называть меня студенткой. Верно, надеялся, что я исчезну из его практики И, наверное, я бы так и поступила, но в ближайшие полгода, пока мне не стукнет девятнадцать, путь в Заколдованные Горы мне заказан. Матушка не пустит, а папенька... Папенька с матушкой ссориться не захочет. И сидеть мне дома без дела, смотреть на пальцы, кисть мучить, ваяя шедевры в новом, набирающем популярность стиле «Ужас, летящий на крыльях ночи». Впрочем, спрос на них растет, может, и стоит подождать с полгодика, начальный капитал для своего дела заработать...

– Леди Тель-Грей! – напомнил о своем присутствии эльф. – Мечтать будете в другом месте!

Я недобро прищурилась: мечтают эльфы, а гномы, к каковым я себя относил, прожив в царстве всю сознательную жизнь, планируют и отчисления в казну считают, чтобы не прогореть на новом месте.

– Простите, магистр. – Я наградила эльфуса своей самой доброжелательной улыбкой. Это тайное оружие любил использовать мастер Кривз, когда эльфы попадались стойкие, со связями, цена товара их не смущала, а продавать, отрывая от сердца свой шедевр, не хотелось. До столкновения с магистром моя улыбка не знала поражений, но Реливиан меня удивил. Магистр хмыкнул – как без этого! – открыл ящик стола и вытянул оттуда стопку документов. Отложил первый лист, на котором крупными буквами значилось мое имя, место рождения и папины титулы, и вдумчиво принялся читать. Мое присутствие ему нисколько не мешало.

Мне, осмелюсь заметить, не помешало бы и его отсутствие, но чего нет – того нет. Пришлось работать с тем, что имелось, и вдумчиво исследовать кабинет. Я пристально изучила каждую стену, в поисках чего-то поинтереснее акварельных разводов на белом полотне. Сейфа не было! Его абсолютно, совершенно не было ни в одной стене.

Мое негодование было столь велико, что даже эльф его почувствовал. Магистр отвлекся от чтения и смерил меня очень внимательным взглядом. Но мне было не до него. Закусив губу, чтобы уж точно не отвлекаться на посторонние мысли, я повторила осмотр, но даже после него заветная коробочка в стене не была обнаружена. Вот как так? Ни одного сейфа на такой большой кабинет! Эльфы!..

Последнее слово, судя по уничижительному вниманию со стороны магистра, не осталось в моей голове. Но отступать было некуда, оставалось только принять на грудь мухоморов и идти в лобовую атаку. Тогда враг сам испугается сумасшедшего оппонента и убежит. Теоретически. На практике подобный финт киркой удавался только старенькому мастеру Стокусу три сотни лет назад. Но его подвиг до сих пор жил в сердцах гномов.

– Эльфы – одни из представителей разумных рас, – с умным видом произнесла я и замолчала, давая слушателю время осмыслить гениальность озвученной истины.

– И? – Эльф иронично вздернул бровь. – Продолжайте, леди Тель-Грей, продолжайте, – подбодрил меня остроухий собеседник, расплываясь в предвкушающей улыбке. Так значит, да? Но ничего, наша братия не сдастся!

– Всего в мире насчитывается десять разумных рас. Так, наряду с эльфами можно встретить гномов, – подвела я к любимой теме. Судя по скривившемуся лицу, магистр заметил, как меня охватывает вдохновение, я набираю побольше воздуха, чтобы начать и...

– Достаточно, – загубил мой импровизированный доклад эльфус-вреднус. – Леди Тель-Грей?

– Да, магистр, – я подарила ему лучшую улыбку. Увы, мастер Кривз не успел оценить ее силу.

Эльфа передернуло.

– Зачем вы здесь?

– Вы сами сказали мне следовать за вами, – вежливо напомнила я, глядя на собеседника с искренней заботой. Как на душевнобольного. Смотреть вот так меня научил мой друг Стых Рудный и именовал сей взгляд «очами великой скорби и понимания». Применять сие умение на гномах он запретил, ибо негоже на достойных нелюдей поклеп наводить.

– Почему вы оказались на этой специальности? – недобро прищурившись, повторил магистр.

Я вдохнула побольше воздуха, чтобы начать самозабвенно жаловаться, но меня опять прервали. Второй раз за день! Вот что за несправедливость!

Дверь открылась – без стука, хочу заметить! – и в кабинет вошел мой конвоир. Хмыкнул – Второй! – возликовал мой внутренний исследователь – при виде меня и перевел взгляд на хозяина кабинета.

– Разбираешься с новенькой? – не смущаясь моего присутствия, поинтересовался у эльфуса соплеменник.

– Да, как ты мог заметить, – холодно ответил магистр. – Подожди пару минут за дверью.

– Ты меня выгоняешь? – Бровки вошедшего переломились от негодования. Магистр что-то пропел – я не удержалась от зевоны – и с намеком, большим и толстым, даже я поняла, чего он хотел, уставился на внезапного посетителя. Тот с величайшей скорбью покинул кабинет.

– Леди Тель-Грей, отвечайте на вопрос, – напомнил мне о недопустимости забывчивости магистр.

– Простите, на какой вопрос я должна ответить? – хлопнув ресницами, спросила я.

– Почему вы выбрали мою специальность для обучения? – напомнил эльф. – Вы совершенно не подходите для нее.

– Почему не подхожу? – переспросила я.

Еще минуту назад я размышляла над возможностью взять магистра в союзники и, доведя его до белого каления, отправиться в деканат. Но пренебрежение в его голосе, столь

свойственное эльфам, сделало свое дело. Это был вызов, неприкрытый вызов ученице гнома, и на него требовалось ответить.

– Магистр Реливиан, ну почему вы такой? – белугой взвыла я. Глаза привычно увлажнились, готовые к любой комедии. – Почему вы даже не выслушаете меня? – Тот факт, что бедный эльф пытался добиться ответа на свой вопрос добрые пять минут, я проигнорировала.

– Знаете, через что мне пришлось пройти, чтобы попасть к вам? Знаете, какая очередь на ваш курс?

Если Крымси не соврала – большая!

– Я так старалась! Мотивационное письмо тридцать семь раз переписала! – Уточнить, что подавалось оно с заявкой на другую специальность, я не стала.

– Я... – я задохнулась от собственной наглости. – А вы... – дыхание сбилось, стоило мне взглянуть на эльфа.

Нет, он не был ошарашен или смущен, не был разозлен или разжалоблен. Он с интересом смотрел мое представление, снисходительно посмеиваясь себе под нос.

– Ну что же вы не продолжаете? – усмехнулся он, когда пауза начала затягиваться. – Вы хотели столько всего сказать.

В том, что он ни на грош мне не поверил, сомневаться не приходилось.

– Простите, это все, что я хотела сообщить, – чинно отрапортовала я, нашла в сумке носовой платок и аккуратно вытерла слезы. Не хватало еще веснушки стереть случайно – краска-то местная, стойкостью не отличается.

– И все же, Антарина, почему вы пришли ко мне?

Вопрос заставил меня хорошо задуматься. Признаться, что к любимым гномам меня не пустили, было обидно и в целом ниже моего достоинства. Речам про великую любовь к предмету этот тип также не поверит – вон с каким сарказмом ответа ожидает! Оставался только один ответ, который последнее время приобретает все большую популярность.

Тяжело вздохнув, как будто откровенность давалась мне с трудом, я выпалила:

– Я люблю ректора! – И платочком рот прикрыла, чтобы эльф улыбку не видел. Впрочем, меня так кривило, что пришлось отворачиваться и хрюкать.

– Ректора? – ошарашенно повторил магистр Реливиан. Теперь он смотрел на меня как на душевнобольную. И будь ситуация иной, я бы и сама прописала курс лечения бедняжке, возжелавшей стать возлюбленной нашего дорогого главы.

Причин тому было несколько. Во-первых, ректор был давно и удачно женат на женщине чуть старше себя, родившей ему шестерых сыновей и красавицу дочку. Во-вторых, ректор был безутешно лыс, отчего каждый день подклеивал парик. В-третьих, из-за клея от него постоянно пахло маринованными огурцами. Перебить это амбре был способен лишь чеснок, который также не любили нюхать на балах. В-четвертых, а какая разница, что там в-четвертых, если ни одному нормальному студенту любого пола не захочется лишний раз попадаться на глаза царю-батюшке учебного заведения.

– Ректора, – шепотом повторила я. После приступа смеха горло все еще было сжато спазмом.

– Леди Тель-Грей, Антарина, – осторожно начал эльф. Видимо, он был слишком шокирован заявлением, раз не сподобился проверить меня на честность. – Вы понимаете, что магистр Трембли не тот человек, которым стоит увлекаться молодой леди?

– Но как его можно не любить? – риторически поинтересовалась я. Если бы вопрос был

озвучен в другой аудитории, ответ нашелся бы мгновенно. Например, из-за комендантского часа в общежитии или приверженности вегетарианской диете, которая не только не заставила его светлость похудеть, но способствовала ожирению бюджетников, перешедших на перекусы.

– Хорошо, – смирился магистр. – Но почему вы поступили именно ко мне? Магистр Трембли преподает на факультете Боевой магии, там вы могли бы видеть его чаще.

– Боевая магия не подходит леди, – поджав губки точь-в-точь как маменька, озвучила я бессмертную истину ее же авторства.

– А первый курс Академии Ремесла и Торговли, горнодобывающий факультет, специальность «способы обработки и реализации руды», специализация «цветные металлы и драгоценные камни» леди подходят больше? – с иронией заметил эльф, сверившись с моим личным делом.

– Так ведь драгоценности! Лучшие друзья девушек, между прочим, – ничуть не смутившись, ответила я. Мой взгляд, полный недоумения, заставил эльфа нахмуриться. Такими темпами он имеет шансы потягаться с грозовой тучкой за окном.

– В таком случае, почему вы не поступили к нам на факультет прикладного мастерства?

– Маменька не велела, – пожалала я плечиками. Часы на столе магистра показали, что на пару мы благополучно опоздали.

– А поступать к нам велела вам также ваша родительница? – уловил логику эльфа. Я благосклонно кивнула.

– Маменька решила, что так у меня будет больше шансов завоевать моего будущего мужа, – подтвердила я и, наклонившись к эльфу, интимным шепотом добавила: – Вы же знаете, магистр Трембли в свое время заканчивал именно этот факультет!

– Знаю, – скривился Реливиан. – Но почему «эльфы»? С вашими рекомендациями вам самое место среди гномов!

«Как вы правы! – грустно пронеслось у меня в голове, вызвав вздох разочарования и скорби. – Мне там самое место! Вот только кто-то его из-под носа увел, чтоб ему с гоблином лысым в катакомбах повстречаться!»

– Маменька не велела. – Кажется, я нашла ответ на все вопросы. – Да и магистр Трембли, когда мы пришли на консультацию, рекомендовал именно эльфование. Ведь кто лучше первородных эльфов поймет тонкую душу наивной девы? – То ли похвалила, то ли оскорбила, но все в рамках приличий. Зачет, Антарина!

Эльф скривился, как будто вместо плантации лимонов – рентабельный проект, кстати! – ему подсунули свиноферму – из-за массового увлечения императорской семьей вегетарианством многие производители мясной продукции ушли с рынка.

– То есть вы остаетесь?

– Остаюсь, – пообещала я, приложив ладошку к груди. Правой, где остеохондроз пошаливать любит.

Магистр промолчал, но очень внимательно изучил место, где находится мое предполагаемое сердце. Я проследила за его взглядом и, притворно ужаснувшись, передвинула ладошку ниже и левее. На желудок. Так будет честнее.

– Идите, – поняв, что со мной кашу не сварить, отмахнулся эльф.

– А вы? – напомнила я. – Если я одна приду, меня же съедят.

– Вас точно не съедят, – с уверенностью заявил магистр, поднимаясь. – Передайте группе, что я приду позже. У них десять минут, чтобы повторить материал прошлого

семестра. Будем писать контрольную работу.

– А я?

– И вы! Должен же я узнать уровень ваших знаний.

Я хмыкнула в лучших традициях эльфа, но промолчала. Лишать преподавателя возможности самостоятельно убедиться в моих превосходных знаниях его родного диалекта было бы по меньшей мере жестоко. По отношению ко мне. В том же, что эльфус не оценит глубины, а главное, практической пользы доступных мне выражений, сомневаться не приходилось. Я помнила всего одного эльфа, который проигнорировал все выкрики мастера Кривза и все равно купил то, что хотел. Еще и торговался как базарная торговка. Почтенный гном был покорен и даже запасную шестеренку дал. От полноты чувств. И лавку пораньше закрыл, чтобы коллегам рассказать о чуде.

Но что-то мне подсказывало, магистр Реливиан не относился к числу потомственных торгашей. То ли овалом лица не вышел, то ли бледностью ро... кожи, или все дело в прямом носе и тонких губах? А может, длина ресниц подкачала? Гномки бы от зависти удавились. Даже я немного позавидовала.

Впрочем, чему тут завидовать? Выглядит как барышня, подойдет к плавильной печи – опалит ко всем демонам свою красоту. Еще и загорит, как гном, а может, облезет, как василиск в период линьки. А молот в руки дать – на ногу уронит. Где потом сапог напасешься на его ласты?

За приятными воспоминаниями и дельными размышлениями я добралась до аудитории. В коридоре было тихо-тихо, я даже засомневалась, что кто-то остался дожидаться преподавателя. У нас же как было – ждем четверть часа, если не приходит – ждем еще четверть часа, если опять нет – староста идет на кафедру, если и он таинственно исчезает в пучинах святая святых преподавателей, значит, занятие отменяется, почтенные мэтры думают над проблемой. Но это у гномов, а здесь...

Я осторожно постучала, давая всем понять, что буду заходить, толкнула дверь и, прикрываясь сумкой от внезапных атак коллег, просунулась в аудиторию. Все чинно сидели на своих местах и, опустив глаза в конспекты, повторяли материал. Я с подозрением покосилась на кафедру и преподавательский стол, но надсмотрщика не обнаружила. Странно. По всему выходило, что повторение материала – свободный выбор эльфятника.

– У вас контрольная будет, – помедлив, сообщила я. – Минут через восемь. Магистр просил передать, чтобы вы повторили материал предыдущего сем... – От меня отмахнулись, как от бесполезной гусеницы. Ну и ладно, мое дело отчитаться.

Пожав плечами, я поднялась на свой последний ряд. За окошком все еще не распогодилось. Конец таан-ренской зимы, что с нее возьмешь! Даже в подгорных городах сейчас сыро, земля намокает. Зато плантации мха должны чувствовать себя хорошо. Выходит, предложение увеличится и цена упадет. Но год на год не приходится, значит, в следующем возможен спад. Интересно, во сколько обойдется долговременная аренда склада? Может, свою вторую комнату заставить коробками? Туфли как-нибудь и в гардеробной перестоят, а мох продам магам красоты. Придется, конечно, скидку сделать. Наверняка ведь у них и свои поставщики есть. Но люди с гномами работать не любят, а гномы так тем более покидать горы не стремятся. Вывод – продает перекупщик. Он, чтобы остаться в прибыли, накручивает не менее ста процентов – транспортировка, склад, охрана, развоз по покупателям. Глянем на его цену, опустим на пять процентов – не прогорим! Осталось только договориться со Стыхом, чтобы он купил и передал. А после отвести маменьку в театр – папа и так дома не

бывает по будням – и можно распаковывать и прятать. Но для начала узнать расценки, рассчитать издержки и пройтись по салонам красоты.

– Достаем листочки и подписываем, – приказал магистр, разрушая мою идиллию.

Даже ничего полезного не сделаешь на этой паре. Что там после нее? Расписание подсказывало, что далее нас ожидает большой – на двадцать минут – перерыв с возможным посещением столовой. Я рьяно зачеркнула слово «возможным». «Обязательным» смотрелось куда удачнее.

Лучшего места для сбора слухов, сплетен, любимых вопросов преподавателей и получения шпаргалок еще не придумали. Именно сюда стекались представители всех специальностей самого дорогого факультета, а порой захаживала и элита вояк – боевые маги последних курсов. Так что именно в столовой находилась приемная комиссия самого популярного женского ВУЗа, объединившего не одно поколение студентов в образцовые ячейки общества, и возможность обзавестись Знакомствами и Связями, а попросту – ЗИСами. И первые, и вторые были равно необходимы выпускникам после окончания обучения и во время оно.

Я вздохнула. Послушно перерисовав с доски задания, я с тоской обнаружила, что корпеть мне над заданием еще час. Увы, ранее медитация не входила в перечень изучаемых мною дисциплин, а потому с основами я была не знакома. Проерзав на стуле с четверть часа, я потеряла всякое терпение и, излив на бумагу все свои познания – транскрипцией, ибо письменность остроухих была для меня темным лесом! – гордо сдала листик преподавателю и, пока он не опомнился, убежала обедать.

Отыскать столовую труда не составило. Только туда студенты могут идти, улыбаясь во все зубы и едва не подпрыгивая от предвкушения. Даже чопорные эльфы перед едой становились на людей похожи, что уж говорить о гномах! Выщипив взглядом своего вероятного информатора, я с предвкушением отправилась за едой.

Где-то на полпути моя будущая жертва обернулась, профессионально просканировала толпу и направилась прямо ко мне. Я поправила на груди брошку с маленьким бронзовым дракончиком. Такие выдавались всем поступившим в Заколдованные Горы, а потому очень скоро после появления традиции образовался негласный союз выпускников и студиязусов – гильдия вольных подмастерьев. Внутри союза не принято было жадничать, а потому оказание услуг своим считалось доблестью и всячески поощрялось. Как рангами, так и отчислениями. Последнее привело к тому, что представители вольных подмастерьев владели третью самых успешных гномьих предприятий. Работали на них также выпускники Заколдованных Гор. Сначала – приходили на практику, после – получали долгосрочный контракт.

– В нашем полку прибыло! – протянул мне свою широкую ладонь гном. В ответ я расплылась в улыбке и пожала ему руку. – Грыт, – представился гильдеец третьего ранга.

– Тари.

– По обмену? – поинтересовался гном, нахмурился, углядев что-то за моей спиной, и притянул к себе. Мимо нас, поджимая губы и ворочая носы, селезнями проплыли эльфы. Настоящие, белобрысые, с косами и длинными ушами. И глаза у них были голубые, рецессивные.

– Родители переехали, – пожаловалась я. – Матушка возвращаться не хочет. Отец здесь сбыт налаживает. Слышал про предприятие Гроха – Никлоса? – Гном кивнул, задумчиво огладил бороду и по-новому оглядел меня.

– Так ты и есть Антарина? – после непродолжительной паузы хохотнул Грыт.

– С утра была, – улыбнулась я.

Смущаться смысла не имело – гномы не поймут. А в том, что он мог слышать мое имя, ничего удивительного: гномы жили дружно, иностранцев по приезду обсуждали всем городом. К моим родителям, по словам старших братьев, тоже года два приглядывались, прежде чем начать зазывать в гости. И то, если бы не Твен и Кристоф, процесс мог затянуться на десятилетие. Но если что и способно было сдвинуть общественное мнение в нашу пользу, так это детские шалости. Их братья творили с великой охотой, быстро снискав славу профессионалов. Во время одной шкоды они и познакомились с мастером Грохом. Тот был гном умный, смекнул, что детки все в родителей, и пришел к отцу знакомиться. Так и появилось их совместное предприятие.

– Меня за тобой пригладеть просили, – почесав макушку, выдал поручение Грыт.

– А кто? – заинтересовалась я. Учитывая родственные связи подгорных семейств, вариантов было едва ли не со все население царства. Хоть троюродная тетушка племянника жены моего брата, хоть довольный клиент из лавки мастера Кривза. Гномы по отношению к своим всегда щедры на услуги и благодарны.

– Внучок, – рассмеялся мой собеседник. – В Заколдованных Горах учится, на два года меня младше, первокурсник, как и ты. Тибериус Штрат.

Я задумалась, пытаюсь понять, о ком именно идет речь. Это имя было мне знакомо, но сама я никогда его не произносила. Видно, заметив мои усилия, Грыт добавил:

– Риском его еще кличут.

На моем лице непроизвольно расплылась улыбка. Риска я знала. Пусть он и был с другого факультета, в столовой всегда заседал с нами. Уважал сало, черный хлеб и малиновое варенье. К последнему успел пристраститься во время работы родителей в драконьих долинах. Расставание переживал тяжело, а потому планировал выучиться и пойти по стопам родителей, чтобы сэкономить на доставке лакомства.

– Риск... – мечтательно повторила я имя друга и тихо добавила: – Зайдешь ко мне, на третью улицу Серебряного квартала, четвертый дом, я варенья передам.

– Ради варенья – зайду. – Гном погладил пузико, выдавая и личную заинтересованность в продукте. Семейное, значит, пристрастие. – А много банок?

– У экономки спрошу, – пообещала я. – Она хвасталась, что прошлым летом малины много было.

За разговором время шло незаметно, и я неожиданно для себя обнаружила распахнутые двери. Таблички не было видно, но тут уж сам Ступникус, гномий дух очевидных догадок, приказал быть столовой. Запах стоял невероятно-умопомрачительно-вкусный и насыщенный. Я даже куснула воздух, чтобы убедиться, что мне только кажется. Стоявший рядом Грыт рассмеялся.

– Эй, место нам займите! – проорал на всю столовую мой гномик и помахал кому-то у самой стойки. Расплачивавшийся за обед молодой человек тролльих кровей согласно кивнул.

– Идем, – хмыкнул Грыт и потащил меня за подносом.

Вовремя! Стоило нам ухватить пищевые трансферы, в дверях столовой показалась толпа. Мне она напоминала стадо баранов, толкавшееся вокруг одной-единственной овцы, но, судя по притихшему залу, ребята были не из последних семей Ле-Сканта. А, впрочем, будь хоть сам король, лишь бы жить не мешал.

– А что сегодня у нас вкусненькое? – игриво поинтересовался у гномки, стоявшей на

раздаче пюрешки, Грыт. Девушка смутилась и передала соратнику салфетку с указаниями. – Спасибо, красавица, – рыкнул гном на родном и продемонстрировал список мне.

Поднос мы заставляли исходя из списка и, должна отметить, не прогадали. Самое свежее и самое вкусное было сегодня именно на нашем столе. Даже корошки завистливо пялились на нас. Почему? Так питание было включено в стоимость обучения и рассчитывалось исходя из цены одного комплексного обеда и одного ужина. То бишь два подхода к раздаче – с десяти до двух днем и с четырех до шести вечером. Подходы фиксирует учебный браслет, который ты прикладываешь, расплачиваясь, а попросту снимая одну ходку из выделенного количества.

– Полного желудка! – крикнув, пожелал Грыт, водружая поднос на стол. Четверо студентов ответили ему неслаженными пожеланиями того же.

Мне досталось место с краю, но я не переживала по поводу своей нецентральности. Напротив, место с краю было самым востребованным, ибо с него не только открывался лучший вид, но и имелось больше путей отступления.

– Новенькая? – благожелательно пробасил тот самый тролль, друг Грыта.

– Да, перевелась. – Я отправила в рот кусочек отбивной.

– На какой? – полубопытствовал второй обитатель стола. Выглядел он как человек, но, глядя в насыщенно бирюзовые глаза, я засомневалась.

– Хотела к гномам, зачислили к эльфам, – тяжело вздохнула я. За столом раздался сочувственный стон.

Я облегчено выдохнула – все собравшиеся верно истолковали происходящее и посочувствовали.

– И как угораздило? – Единственная девушка из четверых хозяев стола пододвинула ко мне часть своих конфеток. Чтобы подсластить горе.

– На гномьем мест не оказалось, – пожаловалась я. – Главное, когда я подавалась – они были, а перед началом семестра прислали расписание – и там это! – Я ткнула вилкой в расписание. – Узнаю, из-за кого мою заявку подвинули...

– А чего тут знать? – пожала плечами рыженькая. Лиса, не иначе. Молоденькая оборотница, затесавшаяся в неподходящую компанию. – Вон идет, будущий царь горы.

Девушка невежливо ткнула ножом в сторону дверей.

Очень медленно, сжимая в руке вилку с кровью помидоров на кончиках зубцов, я обернулась в сторону входа. Автоматически отметила, что не одна я совершила такой маневр. Кто-то даже столовые приборы не пожалел: пронесшийся по столовой звон оглушил бы даже гнома. Меня постигла бы та же участь, если бы не мгновенно среагировавший Грыт, зажавший мои ушки своими лапищами.

– Все. – Гном убрал ладони от моей головы и продемонстрировал свои уши. Там, надежно всунутые сияли лучшие звуковые фильтры от компании «Шахта для всех».

– А вы? – сочувственно спросила я, разглядывая непрерывавших трапезу ребят.

– Мы зачаровали заранее, – фыркнула рыженькая. – Думаешь, только из-за Алестаниэля звон в ушах стоит? Каждый год одно и то же.

– Миса, ты не права, – хохотнул тролль. – Каждый семестр! Сколько я тут уже сижу – ничего не меняется. А я уже восьмой год студент!

– Алестаниэль, значит, – вычленила я главное и вновь обратила внимание на новоприбывшего блондина. Эльф, ну кто бы сомневался? Мировое зло зиждется на этих длинноколых эстетах. Откроешь историю нашего славного мира – и все темные властелины

через одного эльфы. Почитаешь стенограммы суда – из лучших побуждений зло учиняли, красоты ради старались, мир лучше сделать хотели, против зла боролись.

Правильно, конечно, зло и добро – вещи относительные. Забрал моих гномов – сделал мне зло, а себе добро, однозначно. Но зло злом, а кару небесную еще никто не отменял. Так что, Антарина, пора тебе осваивать новую профессию, будешь карающей дланью богов.

Кровожадно улыбаясь, я слизнула соус с вилки. Соленький, в самый раз под мои измышления о воздаянии.

– И как тебе? – заинтересованно поинтересовалась Миса, отправляя в рот кусочек мяса и запивая квасом.

– Не впечатлил, – хмыкнула я, рассматривая очередного эльфуса, вставшего на моем пути. Как-то много их последнее время на нем оказывалось. Неужели дорожку перепутала? Осталось только понять, медом ее мазали или лучше сапоги повыше надевать.

Эльф тем временем подошел к раздаче, взял поднос – собственными руками и даже без перчаток! – и отправился собирать свой обед. Его вид мог бы ввести в заблуждение, но не меня: хорошие эльфы не уводят специальности из-под носа! А если и уводят, то прячутся где-нибудь, ожидая мести за свое вероломство.

Я тяжело вздохнула. Практикум по рациональному мышлению был однозначно завален. Предстояли отработка и разбор полетов. Позже, ибо пока я фантазировала, эльфус на глаз определил самый безопасный для себя стол и направился в нашу сторону.

– У вас не занято? – вежливо поинтересовался он, оглядывая нас своими серыми, как у магистра, глазами. Популярный цвет? Нужно будет не забыть отметить.

Мы дружно хмыкнули. Нас за столом сидело шестеро. Ровно столько было положено по инструкции, и нарушать ее мы не собирались. А эльф не собирался уходить ни с чем.

Я глянула на соседние столики. Все они были либо заняты, как и наш, либо имели ровно одно свободное место. Для эльфа. Ибо все эти столики впятером занимали девушки.

– Может, договоримся? – миролюбиво заметил Алестаниэль, сглатывая. Да, я бы тоже побоялась садиться к озабоченным ВУЗом девицам. Если за нашим столом эльфу грозило несварение, то за другими – по меньшей мере ментальное изнасилование. Это если девушки удержатся и любовных зелий не подольют. А то Выйти Удачно Замуж без помощи алхимии не всем удавалось.

– Твое предложение? – хмыкнул гном, как самый заинтересованный член нашей дружной компании.

– Ваша цена? – включился в игру эльфик, подходя ко мне.

Глазомер у парня работал без сбоев. На одной скамье с троллем, оборотницей и молчаливым брутальным человеком он уже не помещался, а вот с нами...

– Информация?

– Идет, – легко согласился эльфик. Мы переглянулись. Если так просто соглашается – ничего ценного не знает.

– Будешь нос кривить – выгоним, – предупредил гном, подвигаясь. Мне пришлось последовать его примеру.

И вот сидим мы всемером, молчим, делаем вид, что аппетит не пропал. Сидит эльф, молчит, косится на нас, делает вид, что ему все равно. Сидят девицы, желающие выйти удачно замуж, и скрипят ножами. И посреди все этого безобразия сижу я и думаю, почему утром в сумку зелий не положила?!

Первым не выдержал новоприбывший. Проверенные сотнями лет стереотипы о

самовлюбленных красавцах дали трещину. В нашем изучающем молчании Алестаниэль не смог спокойно есть. Ерзал, ловил на себе насмешливый взгляд Мисы, слышал недовольное хмыканье тролля, размеренное дыхание сидевшего напротив человека, злое хихиканье гнома и тяжкие стоны с моей стороны.

– Ну что я вам сделал? – после непродолжительного молчания не выдержал парень и уставился прямо на меня.

Миса прыснула со смеху, ее зычно поддержал тролль. Грыт перестал хихикать и с интересом уставился на эльфа. Мне и самой было любопытно, что скажет эльф, когда услышит:

– Западло!

Сказанное вовсе не мной, а проснувшимся как раз к моменту истины вампиром. Из-за любви к салату, занимавшему весь поднос, я успела усомниться в его расовой принадлежности, но обнаженные в нехорошей усмешке клыки сомнений не оставляли.

– Когда? – нахмурился эльф. Он отложил так и не использованную вилку и вперил тяжелый взгляд в клыкастого. Тот легкомысленно пожал плечами и перевел стрелки. На меня, разумеется.

– И чем же я обидел леди? – хмыкнул Алестаниэль и устало вздохнул. – Пожалуйста, только не говори, что не принял твои чувства! До смерти надоело выслушивать это от каждой встречной.

Кажется, у Мисы началась истерика.

– Своим появлением в Лескантском университете на факультете межрасовых отношений, – как можно расплывчатей пояснила я.

– Дожил, – простонал всех обидевший бедняга. – Тебя я обидел своим здесь появлением, отца – безответственностью и нежеланием здесь учиться, дядю – исчезнувшей возможностью экспериментировать в доме, горничную – испачканной помадой простыней, невесту...

– У тебя есть невеста? – посочувствовал гном. Эльф повалился на стол, подпер голову рукой и мрачно сообщил:

– Нету. Но если бы была – обязательно бы обиделась.

Не согласиться с парнем было сложно. Судя по перечню его проблем, беда шла за ним по пятам. И я бы посочувствовала бедняге, если бы его невезучесть не пересеклась с моей удачей, напроць лишив меня последней.

– И чем я перед тобой провинился? Только подробнее, чтобы я мог отцу написать о своем возмутительном поведении.

– Ты забрал ее место на специальности, – оповестила бедолагу Миса, оперлась локтями на стол, сцепила пальцы в замок и опустила на них подбородок.

– Ты хотела к гномам?! – простонал эльф. – Да так разве бывает?

– Бывает, – хором ответили мы с Грытом и недобро прищурились.

– Приношу свои извинения, – быстро поднял руки вверх эльф. – Но я не предполагал, что на эту специальность есть очередь. Вообще думал, что отец не согласится и оставит меня в покое. А он чересчур сердитый был...

– Не оставил, – гулко констатировал тролль и подвинул к парню кувшин с квасом.

– Не оставил, – подтвердил наш гость и виновато спросил: – Куда определили?

– К эльфам, – расплылась в издевательской улыбочке Миса. Мне захотелось ее стукнуть, но распускать руки следует после того, как соберешь на обидчика компромат.

– И как тебе там? – продолжал допытываться ушастый, наливая себе квас прямо в полупустой стакан воды. Когда только успел выпить?

– Я собиралась продолжать изучение гномов, – напомнила я осторожно. Парень намеков не понял. – Да ничего я про этих эльфов не знаю!

– Как ничего? – Алестаниэль недоверчиво тряхнул головой. – А как же повсеместная людская любовь к нам, изучение языка, восхищение мудростью трактатов...

Грыт не выдержал первым. Рыкнув, что еще немного – и он покинет этот мир, гном перебрался через скамеечку и отбыл в холл. Мне он предложил не торопиться, пообещав вечером заглянуть в гости.

Нас осталось шестеро.

– Пожалуй, мы пойдем, – хихикнула Миса, поднялась и утянула за собой всю свою скамейку. Парни переглянулись, но послушно последовали за оборотницей, прихватив с собой все, что могли унести без посуды.

Нас осталось трое, и вся столовая, которая даже не пыталась скрыть своего интереса, пялилась на наш стол.

Последний свидетель вампирьих кровей самоустранился, очень вовремя заснув в салате. Интересно, он так на парах и спит? Или у него ночная смена?

– Нет, ты серьезно про нас ничего не знаешь? – не мог поверить, что существуют подобные мне люди, эльф. Он даже придвинулся ближе, изучая все вплоть до нарисованных веснушек. И что он только нашел в моем лице? Нос картошкой понравился? Или глаза зеленые и сердитые так привлекли?

– Того, что я знаю, недостаточно даже для поступления, – тряхнув головой, чтобы хоть как-то отвлечь его от пристального разглядывания моей персоны, сказала я.

– И как ты тогда на эльфийском оказалась?

– А как ты на гномьем? – фыркнула я.

– Беда... – хмыкнул эльф. – А если перевестись?

– Только после того, как освободится место, – мрачно ответила я и плотоядно улыбнулась, оглядывая собеседника. – Есть желание посодействовать?

– А я могу помочь? – сглотнул Алестаниэль, до которого начало доходить, каким именно образом он может мне посодействовать. Судя по бледности, накрывшей его лицо подобно шпорму, он подумал о чем-то малоприятном и кровавом.

– Напиши заявление на отчисление. Или возьми академический отпуск. Тогда твое место освободится, и я смогу его занять, – внесла ясность я прежде, чем эльф успел упасть в обморок или заработать сердечный приступ. Возможно, зря. Практики в оказании первой помощи у меня не доставало, зато в теории я помнила, что сломанные при непрямом массаже сердца ребра являются показателем хорошей, старательной работы спасателя. Наверное, из меня получился бы прекрасный специалист по спасению остроухих. Особенно если вспомню, что испытала, увидев свидетельство о зачислении.

– Не могу, – простонал парень, отпил из стакана и закашлялся. Кажется, ребята пили не совсем квас. – Если я уйду, отец меня замуж выдаст!

– Замуж? – нахмурилась я.

– А как еще назвать ситуацию, когда невесту мне подберут родственники и заставят терпеть ее до конца моих дней. Как подумаю – людям завидовать начинаю. Женился – лет через шестьдесят расстались, и все довольны. А мне мучиться до пришествия Эсталиана, если он вообще вспомнит о своих детях и почтит вниманием.

– Не повезло, – заключила я и сочувственно хлопнула собеседника по плечу. Даже без членовредительства обошлось.

– Не то слово. – Эльф поспешил убрать прилипшие к лицу пряди, пока их обожательницы не заметили. – Или ты думаешь, мне у гномов сладко? – продолжил изливать душу остроухий. Я брезгливо поморщилась: если он пришел к гномам и начал говорить о своих проблемах – пиши пропало. Больше чем эльфов гномы не любили только ноющих эльфов, а Алестаниэль успешно вписался в обе категории. Оставалось лишь узнать, сколько гномов обучается на его курсе и... Мне можно ничего не делать. Недовольные соседством труженики молота и кирки сами выжмут его из своей компании. А те немногие, что не гномы, помогут – ради своего будущего. Уж гномы в долгу не останутся.

– Еще как, – хмыкнула я в лучших эльфийских традициях. Передо мной стояла новая задача: продержаться на эльфоведении до тех пор, пока Алестаниэль не вылетит. Вспомнились слова про дядю, у которого он остановился. Этот вопрос требовал немедленного решения, пока в планы не закралась ошибка: – А кто твой дядя?

– Дядя? – переспросил эльф, встrepенувшись. – Ты лучше его не упоминай, а то...

– Появится? – припомнила я старое поверье народов западных земель. Они, видимо, своему совету не следовали, ибо вымерли быстро и бесследно.

– Именно, – подтвердил неприятный голос, который не мог принадлежать никому иному, кроме как...

– Магистр Реливиан, вы что-то хотели?

– Леди Тель-Грей... – очень спокойно начал эльфус. При этом на меня он не смотрел, сосредоточившись целиком и полностью на... племяннике? Алестаниэль едва заметно кивнул, подтверждая мои опасения. Сердце предательски пропустило удар. Неужели это я окажусь не у дел, и любимое гномоведение убежит в закат под ручку с эльфом? Этого нельзя было допустить.

– Магистр Реливиан, вы хотели что-то обсудить? – оторвала я эльфа от любимого дела. Кажется, он унюхал от племянника то, чего не ожидал.

– В мой кабинет, – распорядился мужчина.

Я послушно встала и поправила сумку, выражая готовность идти, куда сказано. Только хозяина дождусь и сразу пойду.

– Леди, почему вы все еще здесь? – не смирился с моим ожиданием эльф.

– Жду вас, магистр, – бодро отрапортовала я. – Заходить в кабинет в отсутствие его владельца является нарушением личных границ. Подобное допустимо лишь при близком знакомстве гостя с хозяином. В случае же с преподавателем и студентом попустительское отношение в этом вопросе может привести к слухам и кривотолкам. Осмелюсь предположить, что вы не пожелаете, чтобы ваше имя трепали на каждом углу.

Оголодавшие за каникулы без сплетен кумушки с соседнего стола дружно застонали. Желанную сплетню уводили прямо у них из-под носа.

– Рад, что с этикетом у вас лучше, чем с моим предметом, – прошипел эльф и, развернувшись на каблуках, покинул столовую.

Алестаниэль с облегчением выдохнул.

– По твою душу? – миролюбиво протянула я.

– По твою, – не согласился Алестаниэль и шепотом спросил: – А ты знаешь, что у тебя проблемы?

– Знаю, – кивнула я. – Тоже мне, открытие. Мы проверочную писали, по эльфийскому. А

мои познания в нем просто поражают.

– Поражают? – недоверчиво вздернул бровки эльфик. Я продемонстрировала. Как и учила, с чувством, с толком, с неповторимой интонацией, свойственной лишь торговцам. Алестаниэль проникся. – Поражают, – согласился он и шепотом добавил: – Из кабинета лучше бежать налево.

– Ближе к лестнице? – предположила я.

– К травмпункту и кабинету дежурного мага, – обрадовал меня парень. У меня хватило такта, чтобы не спрашивать, откуда у него появилось подобное знание.

Хмыкнув, я решила не сообщать конкуренту, что порядочные девушки не бегут с поля боя, но промолчала. Незачем эльфу знать, что полевые отступления входят в обязательную программу обучения всех без исключения учебных заведений гномьего царства. Занятия по ним проводятся каждую неделю, а в конце семестра студенты сдают полосу препятствий. За три часа испытаний, призывни... студент должен ползком пересечь местность и добраться до штаба, где ему выдадут заветное ведро с водой. А если уложится в час, то целых три, и даже с теплой. Стоит ли уточнять, что красивая половина потока из года в год приходила к финишу за рекордное время и с минимальными загрязнениями.

Увы, отступление в городских ландшафтах мы должны были проходить во втором семестре. Все типы строений также относились к упущенной мной дисциплине. Вот и еще один повод для недовольства. В то время как орды голодных студентов стремительно отступают из городских джунглей ради трофейного бутерброда, я поднимаюсь по лестнице на головной к эльфусу. Худшую альтернативу и представить сложно.

Коридор преподавательского этажа пустовал. Я замерла у входа, переминаясь с ноги на ногу, и постучала. Вышло неожиданно громко. Из соседнего кабинета высунулась блондинка, смерила меня недовольным взглядом и, поджав губы, ретировалась, так и не проронив ни слова. Меня подобный исход полностью устраивал.

Только переступив порог я поняла, что поторопилась с решением. Распри с секретаршей куратора первокурсников могли отсрочить мою беседу с эльфом, вызвавшим подкрепление ввиду превосходящих сил противника. Лестно, конечно, но когда в одном помещении оказываются два эльфа и одна маленькая я, совесть кричит о произволе.

– Леди Тель-Грей, – вкрадчиво начал магистр Реливиан. Я с опаской покосилась на его зубы. Таким ласковым голосом у троллей принято было разговаривать с будущим ужином за пару минут до решающего момента. – Потрудитесь объяснить, что это. – Мне указали на листочек с моей работой.

Тяжело вздохнув, я присела на свободный стул. Эльфы переглянулись, как будто мне полагалось стоять и смотреть в пол. Мысленно я пролистала перечень правил поведения в Лескантском университете, но запрета не нашла.

– Это моя проверочная работа, – взяв в руки листок и внимательно его изучив, ответила я и уточнила свой ответ: – Мы писали ее сегодня в первой половине дня во время вашего второго занятия.

– Спасибо за точность, – прошипел мой собеседник, неожиданным образом выходя из себя.

Странно, что он позволяет себе подобную демонстрацию эмоций. Дипломат – а без подобного опыта работы на межрасовые отношения не брали – вряд ли бы позволил себе столь явную демонстрацию недовольства. Или из-за малого количества желающих эльфов грести всех без исключения? Или же преподавание так расшатало нервы несчастного

остроухого, что сменило его суть? В любом случае поразмышлять над истоками изменений в поведении представителя древней расы мне не удалось.

– Леди Тель-Грей, почему вы не выполнили задание? – пришел в себя магистр. Его моральная поддержка тем временем стояла к нам спиной и смотрела на город. Хороший, должно быть, вид открывается из нашего корпуса. В центре города – одно из самых высоких зданий, со всеми благами цивилизации – водопроводом и канализацией. И даже еда по льготным ценам для учащихся и преподавателей.

– Милорд преподаватель, – проникновенно начала я, – я написала все, что знала. К сожалению, мои знания несоизмеримы с желанием обучаться у вас. Но я буду стараться! Я обязательно все наверстаю! Приложу все усилия, чтобы вы могли с чистой совестью попросить прощения со мной, вручая мне желанный документ.

Эльф нахмурился. Такого откровенного подхалимажа он не ждал. Зря. Мы же уже разговаривали наедине. С ним одним не сработало, но сейчас у нас есть слушатель. Эльф, прекрасный во многих отношениях, особенно со спины. Не видя моих глаз, он вряд ли сможет усмотреть вранье в моих словах.

– Она не лжет, – уронил свои веские три слова третьейский судья нашего словесного поединка и перешел на родной язык. Магистр слушал его с интересом, но глаз от меня не отрывал. А я покайнно перечитывала свою работу.

На листике рядом с моими гордыми тремя предложениями появились еще три фразы, записанные эльфийскими рунами. Сомнений, что кто-то понял, к чему сводятся мои знания, не оставалось.

– Достаточно, Альфериан, – отмахнулся от наблюдателя магистр. – Леди Тель-Грей, я спрошу вас только один раз, прямо сейчас: вы готовы работать для того, чтобы остаться на моей специальности? Ваш уровень владения языком ниже, чем у эльфийского младенца. Но оценки с вашего предыдущего места обучения достаточно высоки. Значит, как вы ни пытаетесь это скрыть, вы обучаемы. Поэтому ответьте мне здесь и сейчас, вы будете учиться, если я позволю вам остаться?

– Буду, – хмуро ответила я, понимая, что любое другое слово поставит крест на моем переводе на другую специальность. Отчислить он меня по личной инициативе, конечно, не сможет, но вот подставить под нечто дисциплинарное или испортить табель успеваемости, чтобы мне отказали в переводе... Не для того я старалась, чтобы кривая эльфийская рука перечеркнула мне многолетние труды. В Заколдованных Горах меня, конечно, примут как героя, но если мне не удастся туда вернуться?

Что ж, решено. Поиграем по его правилам, изучим слабые места, подготовимся и заставим пойти у нас на поводу. Так и никак иначе.

– Хорошо, – кивнул эльф, расслабленно откидываясь на спинку стула и победно улыбаясь. Ничего, будет и в нашей пещере пирушка. – Как вы намерены догонять своих однокурсников?

– Рискну предположить, что у кого-то из них сохранились списки учебников с прошлого семестра, – выдвинула версию я. Конечно, рассчитывать на то, что студенты не сожгли на каникулах опостылевшие бумажки, было сродни вероятности появления древнего великана в центре столицы, но существовал и один процент удачного исхода.

– Возможно, – протянул эльф, складывая пальцы пирамидкой и направляя ее вершину в меня. – Но разве не существует более простого решения?

– Существует, – поддержала я разговор. – Можно подойти в библиотеку и попросить у

них комплект учебников для первого семестра первого курса обучения специальности «эльфоведение». Заодно просмотрю подшивку «Вестника Молота», – мечтательно закончила я. Магистра передернуло.

Из-за переезда я оказалась отрезана от любимого журнала. Новинки двух последних выпусков прошли мимо меня, и может оказаться, что не удастся раздобыть и третий. Гномы выпускали журналов ровно столько, сколько имелось подписчиков. Оплата шла авансом, и номер присылался по адресу плательщика. А я из-за переезда не успела оформить пересылку в Ле-Скант.

– Возьмите подшивку «Эльфийского для самых маленьких», – наконец проговорил он. – И книги по этому списку. – Передо мной лег испещренный письменами листок. Циферок на нем хватило бы на список источников для диплома.

– Будете читать последовательно. На следующей неделе получите новый. Через месяц повторим проверочную работу, я составлю более подробный вариант. Вы должны набрать не менее двухсот баллов.

– А всего их сколько? – не удержалась от любопытства я.

– Максимально были возможны двести двенадцать, – снизошел до ответа эльф.

– А кто-нибудь из моих однокурсников столько набрал?

– Нет, максимальный балл среди ваших коллег составил сто пятьдесят три балла, – как ни в чем не бывало, просветил меня магистр.

Я задумалась. Хорошо так задумалась о превратностях судьбы и особом отношении преподавателей. Подсказывали мне боевые мозоли, что быть мне среди любимчиков. Тех, на которых всех собак вешают и василиска выгуливать отправляют.

– Вы верите, что я смогу набрать больше остальных?

– Нет, – искренне ответил эльф и добавил: – Удивите меня, и я позволю вам остаться на моей специальности.

– Удивлю, – хмыкнула я, складывая лист вдвое. – Я могу возвращаться к занятиям?

– Идите, – позволил эльф.

Я кривенько поклонилась и отчалила в вольное плавание по корпусу. Мне предстоял новый захватывающий квест «найди библиотеку», который в этой мечте свихнувшегося строителя мог занять целую вечность.

Закрыв за собой дверь кабинета, я огляделась. Коридор был пуст и убог, а вот с лестницы доносились горестные вздохи. Изредка между ними вклинивались мольбы к богу-плуту Шарусу, а порой и проклятия. Тому же богу. Студент никак не мог определиться, то ли просить покровителя о помощи, то ли упрекать в бездействии. В любом случае я собиралась отвлечь бедолагу от его проблем, загрузив его своими.

– Эй, здесь есть кто-нибудь? – удивленно спросила я. Ни этажом выше, ни этажом ниже никого не было. Точнее, глаза не могли найти искомый объект, а вот уши, а после и руки с удовольствием его заметили и нащупали.

– Ты кто? – скорбно выдала жертва чьей-то злой шутки.

– Антарина, – коротко представилась. – А ты?

– Маркус, – протяжно простонал парень и пожаловался: – Оpozдал на две минуты, извинился, а этот гад меня заколдовал.

– Несправедливо, – сочувственно хмыкнула я.

По студенческому обычаю опоздание до пятнадцати минут опозданием не считалось. Но порой особенно принципиальные преподаватели закрывали двери ровно со звонком и не

пускали опоздавших, оставаясь холодны к мольбам несчастных.

– Ага, а сам опаздывает хоть на десять, хоть на тридцать минут. И мы ждем! Мирно разносим аудиторию и в деканат не стучим! Вот почему ему можно, а нам нельзя? – негодуя возопил парень.

– Он преподаватель, – пожала плечами я. – Стань деканом и будешь преподавателей отчитывать.

– И стану! – в сердцах пообещал мой собеседник. – Вот разберусь с этим колдовством и стану. Он мне за все ответит!

Столько предвкушения в голосе мне не доводилось слышать уже давно. Первый и последний раз состоялся в моем сопливом детстве, когда мы, тогда еще дети семи-восемь лет, сговорились и отправились смотреть дракона. Родители отловили нас на середине перехода, но никто не отчаивался. Переглянувшись, мы жестами договорились встретиться ночью, при родителях, чтобы ничего не заподозрили, весь оставшийся день рыдали. Ночная вылазка, помнится, удалась. А наутро, когда мы сонные разбрелись по кроватям, нас разбудили родители, которых всю ночь грызла совесть. Прочувствовав свою вину, они повели нас смотреть на дракона, и никакие отговорки не могли заставить их передумать.

Вот и сейчас мне казалось, что парень получит больше, чем планирует. Ведь прежде чем стать деканом и шпынять подчиненных, ему самому придется побыть в шкуре преподавателя. Останутся ли у него силы после этого... Я бы только медный грошик поставила. Ломаный, чтобы не жалко.

А студент тем временем продолжал бушевать. Какие только кары не призывались на голову ничего не подозревающего преподавателя, чего только ему не обещалось. Были здесь и банальные кнопки, которые в силу своей немагичности не могло обнаружить большинство поисковых чар. И намазанный мелом плафон осветительного шара, который ворочался, регулируя яркость света. И невыжатая тряпка, призванная обляпать первого, кто за нее схватится. И все, стоит заметить, без применения магии, чтобы волшебник никак не мог избежать расплаты.

– Ты страшный человек! – с уважением выдала я, когда собеседник подустал.

– Стараюсь, – гордо выдал парень. – А ты чего здесь оказалась? Перерыв идет, все в столовой.

– Была уже там, – призналась я. – Потом эльф к себе вызвал.

– И ты туда же? – простонал собеседник. – Вот что вы, девки, в них находите? Щуплые, без силушки молодецкой, смекалка на нуле, на уме – одна изящная словесность. Ни гвоздь забить, ни лошадь подковать, ни воз оттащить! А вы им послания строчите, будто они их читать станут! Нужны вы им больно! Кобыл таких – в каждом селе, и все в зубы заглядывают.

– Девушку отбили? – поняла я. – Сочувствую. Но, может, и к лучшему, что ушла? Зачем тебе такая? Пусть эльфа травит своими экспериментальными зельями вечной диареи.

– А ты не из этих, что ли? – недоуменно спросил человек-невидимка.

– Не из кого? – уточнила я.

– Не из эльфануток?

– Нет, у меня другое призвание. – И прежде чем собеседник слово вымолвил, добавила: – Я пришла на эту землю, чтобы вершить гномосудие. Весь мир гномам! Все должно принадлежать нам! – И кошмарно рассмеялась с трудом поставленным злобным смехом.

Раздался звук столкновения тела со ступенькой, а после и закономерный итог их

отношений – болезненный стон. От проклятий на сей раз парень воздержался, только присвистнул и протянул мне руку. Странное, признаться, чувство – обмениваться рукопожатием с невидимкой. Он еще и холодный оказался, как детеныш василиска зимой.

– Что ж, – проговорил Маркус спустя пару минут напряженного молчания. – С тобой лучше дружить.

– Буду рада, – искренне улыбнулась я. Не так, как репетировала.

– Заметано! Если есть проблемы – говори. Мои ты уже знаешь, теперь твои послушаю – пойму, что мир не только ко мне жесток и несправедлив.

– В библиотеку бы, – протянула я, поглядывая на сумку. Маленькую взяла – весь список не поместится, для него котомка нужна, а не сумочка леди с тремя тетрадками и пеналом.

– В библиотеку?.. – удивленно переспросил парень. – Странно, тебя не предупредили, что ли?

– Предупредили о чем? – чувствуя подвох, поинтересовалась я.

– А у нас в корпусе ее больше нет. Из-за низкой востребованности фонды передали в фундаментальную. Она в главном корпусе, а он...

– ...у лешего за бородой, – обреченно закончила я, припоминая, куда забралась бывалая администрация. Из-за их кульбита почти все проверки проходили или на межрасовом – ближайшем к органам контроля за преподаванием, или на общемагическом, выглядывавшем из серебряного квартала.

– Угу, без транспорта не доберешься. А сколько извозчик сдерет... Влипла ты, подруга. А что хоть взять нужно? Может, по общежитию пройдем соберем?

– Можно попробовать. Только у меня еще одна пара, – сверившись с расписанием, добавила я и зачитала: – «История эльфийской литературы второго цикла».

– А, будете куртуазных поэтов проходить. Эти ради прекрасной дамы готовы были пожертвовать селезенкой, а чтобы супругу на ужин пригласить – так все в леса или в ополчение.

– Тоже допекли?

– Семь раз пересдавал, – поделился опытом Маркус. – Преподаватель – зверь. Забудешь, какого цвета луна сияла при свидании доблестного Бантиколя Илиэлева с Разумиэль Герталиевной – не сдал. Замешкался с количеством переизданий бессмертной «Песни об Улиевом Луке» – не сдал. Не написал оду преподавателю – не сдал.

– А последнее разве допустимо?

– Спрашиваешь? Официально работа называется «Особенности эльфийской поэзии первой трети второго тысячелетия от создания Великой Империи Первородных». Последним пунктом, при отсутствии которого работа не засчитывается, будет идти «написание оды» и список возможных кандидатов на восхваление.

– Перечень из одного кандидата?

– Из трех. Сам Даорисий, ректор и герой эльфийского фольклора Маниаль Астариэль. Про последнего писать не советую – завалит на исторической недостоверности. Работа зачетная, так что провалишься – не получишь допуск.

– Жестоко.

– А ты думала? Эльфоведение – это тебе не киркой в шахте орудовать. Хорошо гномам – ушел в лабораторию, создал взрывчатку – допуск в кармане. Не то что нам...

Я тяжело вздохнула. Где-то в моем счастливом плане выживания среди эльфоведов закралась ошибка. Выживание в этой среде определенно потребует больше ресурсов.

Придется подойти к делу с умом и распланировать выходные.

– Тебе на занятие пора, – напомнил мне Маркус. Судя по звукам, он также поднялся со ступенек. – Встретимся в холле через пару. Ты уже успела обжиться в своей комнате? Соседи не слишком громкие? Я бы мог сделать им внушение, – вызвался решить мои бытовые проблемы парень.

– В своей комнате? – Мои брови поспешили вверх. – Разве мне положена? Я платница, никаких льгот не имею...

– Раз платница – за тобой точно числится помещение, – уверенно заявили мне. – И я бы тебе советовал явиться и все осмотреть. Если в первый день не подать завхозу перечень недостающего имущества, при выселении он тебя загоняет. Пока точно такой же комплект не достанешь – хоть на заказ шей! – не выселит. Будешь до конца жизни каждую неделю напоминания получать. Среди ночи, как только уснешь.

Явственно скрипнули зубы. Но интересоваться подробностями мне не позволил колокол, напоминавший о скором начале пары. Кивнув на прощание Маркусу, я отправилась на поиски тайной комнаты. Систему расположения кабинетов я еще не успела понять, а потому поплутала немного, но боги оказались милосердны.

Двести четырнадцатая аудитория нашлась совершенно случайно, но очень удачно. Я заскочила в помещение с последним ударом колокола, опознала унылые лица однокурсников и уселась подальше от внимательного ока преподавателя – на первую парту первого ряда. Опыт предшествующих поколений подсказывал: если ты хочешь спрятать что-то – сядь на первый ряд. Особо дотошные преподаватели предпочитали контролировать галерку, для чего им приходилось подниматься по ступенькам, оставляя перворядников за спиной.

Появившийся спустя две минуты молодой человек восточных кровей мало походил на почтенного профессора. Моя интуиция взвыла, обещая неприятностей по первое число. Еще больше я укрепилась в подозрениях, когда этот шаман Терлинского архипелага начал первое занятие с организационных вопросов.

Опыт предшествующих поколений очень емко характеризовал манеру преподавания таких типов. Катастрофа! В ежегодно публикуемых «Записках под партой» целый выпуск был посвящен «организаторам», как прозвали их любимые ученики. Для преподавателей данной категории было свойственно следующее поведение: первую пару они мило улыбались, разъясняя все, кроме действительно важных моментов, контрольные проводили внезапно, для подготовки выделяли один день в лучшем случае, а драли три шкуры как с бронезавра в период линьки. Но при всей своей любви к порядку, гармонии в текстах их лекции не удавалось найти даже с лупой. Даже с гномьей. Даже эльфам. И именно на представителя этого самого опасного для студентов класса я напоролась следом за эльфом.

Тяжко вдыхая, я записывала ценные указания преподавателя, как то: сидеть на практикумах не дальше третьей парты, рисунки делать тремя видами карандашей, в день контрольной приходить пораньше, а перед экзаменом составить список и подать его преподавателю.

И все бы ничего – аудитория послушно записывала оргмоменты в конспекты, но далее начался редкостный ад. Закончив с собственными требованиями, магистр Даорисий – без фамилии и имени рода! – решил познакомиться со студентами. Потерпеть до практической, как поступали все воспитанные преподаватели, было ниже его достоинства, а потому мы начали писать мини-выступление «Что я такое и почему сижу в этой аудитории».

В лучших традициях мстителей, начать преподаватель решил с первого ряда. Никогда

еще я не чувствовала себя так глупо, как в этот день, поднимаясь и разворачиваясь перед жаждущей крови толпой сокурсников. Но гномы не отступают, и мне не позволительно. Набрав в грудь побольше воздуха, я звонко отрапортовала:

– Антарина Тель-Грей, вернулась на историческую родину, приступила к занятиям в Лескантском университете имени Рудольфа Великого третьего дня второго месяца зимы. От предмета жду увеличения знаний в области эльфийской поэзии и освоения основных принципов стихосложения изучаемой эпохи. Любимый цвет – синий, любимое животное – василиск, любимая еда – кролик, любимый вид спорта...

– Достаточно, – оборвал меня Даорисий. И правильно сделал. Выдумка медленно мне отказывала, и если б он решил продолжать слушать мою импровизацию – первому всегда меньше времени на подготовку выпадает, да и списать не у кого! – пришлось бы переходить к крайностям и сознаваться в огромной любви к поэзии скальдов, безмерном обожании творчества беглых студентов и – не дай боже! – к куртуазникам с их альбомами, серенадами и – пощадите все демоны штолен! – канцонами. О пасторелях я старалась и вовсе не вспоминать, чтобы не накаркать.

Откуда я об этом всем знала? Матушка себе и у гномов не изменяла, до дыр зачитывая «Настоящую Леди» с чопорной дамой на обложке. Мало кто обращал внимания на туфельки героини обложки, которые из номера в номер менялись и не всегда подходили к наряду. Тем же пятерым, кто отгадывал, чьи именно туфли были удостоены славы, полагалась годовая подписка. Матушка выигрывала ее чуть ли не каждый месяц...

С трудом дождавшись, пока магистр уймет свое любопытство и отправит нас на перерыв, я выбралась из-за парты. Ничто не предвещало беды – ее и не случилось. Я птичкой прошмыгнула мимо сокурсников и слонем спустилась по лестнице.

В холле толпились студенты. Осада гардероба шла уже не первую минуту, и доблестные защитники вещевого склада двигались с некоторыми затруднениями. Их старые кости скрипели, песок сыпался на пол, копился и наконец дорастал до размеров сугроба, в котором и исчезал пропадающий без вести гардеробщик вместе с вещами.

Порадовавшись своему прошлому и закалке, я принялась протискиваться через увеличивавшиеся по мере одевания тела. У выхода стояло не так много студентов, но здесь меня постигло жестокое понимание – я понятия не имела, как выглядит Маркус. Оставалось только уповать, что он найдется первым. До того как вся одевавшаяся толпа хлынет к выходу и погребет меня под собой.

Глава 2. Общежитие раскрывает свои двери

Ждать пришлось недолго. Сквозь толпу суетившихся студентов, целеустремленно работая локтями, продвигался высокий молодой человек. Блондин – таковых на эльфячьей специальности было большинство – белокожий, с прямым носом и тонкими губами. Он идеально вписывался в компанию, если бы не одно но. Веснушки выдавали его истинную масть, как и начавшие отрастать рыжие корни.

– Эй, под ноги смотри! – крикнул он вслед убежавшему пареньку. Судя по тому, как бедолага отпрыгнул в сторону, он был первокурсником. Ко второму студенты начинают вести себя наглее, впрочем, особый навык уклонения также развивается.

– Маркус? – осторожно поинтересовалась я, оценивающе проходясь взглядом по фигуре своего знакомца. В его невидимости наблюдался определенный плюс. Ибо, когда парень начал рисоваться, напрягая мускулы, рассматривать его принялась добрая часть женского гарнизона осады.

– Нравлюсь? – фыркнув, поинтересовался он у них. Часть девушек отвернулась, опустив очи долу, но вот те, кто был посмелее...

Маркус первым не выдержал стольких нацеленных на него хищных взглядов. Сглотнув, он ругнулся, сцапал меня за локоть и выволок под снегопад. Редкое явление в здешних краях, но ради моего первого учебного дня и природа решила устроить запад... подарок.

– Студняк с собой? – дотащив меня до угла улицы, спросил парень.

Прохожие было повернулись в нашу сторону, но, заметив двух студентов в форменных одеждах, потеряли всякий интерес. Оно и правильно, какие это сплетни – подумаешь, студенты целуются. Чего они, добропорядочные жители столицы, там не видели? Каждый день по десять раз.

– Карточка? – переспросила я, перебирая в памяти все присланные мне из деканата предметы.

– Угу, – мрачно подтвердил Маркус. Аккуратно выглянул из-за угла, будто боялся на кого-то напороться, и переспросил: – Так есть или нет?

– Где-то была, – подтвердила я и сунула руку в сумку. После перипетий в деканате, а после и в гостях у добрейшего магистра, в сумке у меня все перемешалось. Требуемая карточка ушла на дно, и мне потребовалось не менее двух минут, чтобы извлечь ее на свет божий.

С нее, скалясь во все двадцать восемь – для последних четырех я была слишком молода – на меня смотрела я сама, которая была уверена в попадании на любимую специальность. На самый краешек изображения даже сумел залезть мой молоточек, без которого я отказалась позировать. Эх, мечты и планы, суровая реальность еще пожалеет, что столкнулась с вами!

– Вот. – Я протянула свое студенческое удостоверение Маркусу. Тот взглянул на фотку, недоуменно оглядел молоток, но от расспросов и осуждения воздержался.

– Хорошо. Отдашь церберу, когда будем входить, – проинструктировал парень и, еще раз убедившись, что опасных личностей нет, перебежками отправился вниз по улочке. Мне оставалось только следовать за ним.

Здесь необходимо сделать паузу и пояснить. Так уж сложилось, что люди, маги они или нет, предпочитали селиться на холмах. То ли врагов так было лучше видно, то ли магической

силы на высоте побольше, но факт оставался фактом. Большинство современных поселений стояло на холмах, и хорошо, если холм был один. Обычно те грешили нечетными числами. В особом приоритете значилось число семь, а потому, если поселению хотелось добавить себе очков репутации, жители скидывались и нанимали бригаду гномов-строителей или гастарбайтеров-гоблинов. За пару ночей напряженной работы рядом с городом возникал еще один «случайно незамеченный» ранее холм и подтверждал легенду.

О том, как будут страдать через пару веков потомки, ломая ноги на лестницах или падая с подвесного моста, ушлые предки не думали. Но из-за их попустительского отношения к ландшафту в каждом городе при администрации появилась особая бригада смотрителей. Каждый день они обходили город, выискивая прохудившиеся деревяшки в мостах или треснувшие ступеньки на лестницах.

Но не это стало главной проблемой горожан. Количество жителей из года в год росло, увеличивался и спрос на жилье. С увеличением спроса выросло и предложение. Застройка расширялась, охватывая каждый свободный дюйм земли, вилась по холмам, буйным цветом разрасталась в низинах и вновь поднималась на следующую горку.

Самым элитным и безопасным считалось жилье на вершинах холмов. Там и начали селиться аристократы. На уровень ниже расположились зажиточные купцы и лучшие ремесленники, которые также не постеснялись уйти в коммерцию, ниже, под серебряными кварталами, разрастались ремесленные мастерские, оказывавшие услуги по фактической надобности, но без производства каких-либо ценностей. Последние уровни занимали бедняки. А вот низину – студенты и всякое ворье. Чутье подсказывало, что и мучеников парт горожане причисляли к прохиндеям, но разве я могла так плохо думать о собственном профсоюзе? Как можно?!

Как бы то ни было, одно из общежитий Лескантского университета располагалось точнехонько в низине. Поэтому, если начинала сбоить ливневая канализация, призванная отводить грязевые потоки за черту города, первыми об этом узнавали студенты. К ним на порог стекались удивительные предметы со всего города. По одной из легенд – Маркус оказался словоохотлив – в день великого потопа, накрывшего столицу с полвека тому, один из студентов нашего славного заведения разбогател пуще канцлера. Все состояние бедняги принесло ровненько в комнату студента-первокурсника, выбив ему окно. Но, как говорилось в легенде, он не сильно огорчился. Расплатился за ущерб имуществу и ушел на вольные хлеба, чтобы спустя десять лет занять место того самого канцлера, невольно предоставившего ему начальный капитал. Мораль сей басни была проста. Экономить на охране своей казны – значит потерять ее.

Но вряд ли об этом думали спешившие наверх, к зданию факультета, студенты, которым судьба уготовила заниматься во вторую смену. Они бросали завистливые взгляды на нас с Маркусом и сомнамбулически переставляли ноги, пытаясь отрешиться от страданий. Я взглянула наверх и сочувственно вздохнула: еще не меньше шестидесяти ступенек было у них впереди. И успокоила свои занывшие ножки, пообещав себе ехать домой на извозчике. Кошелек недовольно звякнул, предугадывая последующие траты, но я была непреклонна.

К общежитию мы вышли усталые и далеко не счастливые. На последних ступеньках Маркус отвлекся и в лучших традициях плохих постановок упал носом вперед. Потрескавшаяся плитка не проявила радушия, окрашивая его лицо алыми разводами.

Промычав что-то маловразумительное, парень сосредоточился, как поступали маги перед ответственным колдовством, и зафиксировал хрящик. Наверное, чтобы криво не

сроща. Когда спустя минуту он перестал мычать, вид у парня был как у студента-первокурсника после практикума по некромантии. По крайней мере, братишка после первого занятия домой заявился таким же. От вопросов тогда воздержались все. Даже гостившая у нас тетушка проглотила свое традиционное приветственное восклицание и взяла бутерброд.

Заходя в общежитие, я ожидала чего-то подобного. В крайнем случае, моя фантазия рисовала мне, как мы покажем свои карточки, найдем завхоза-коменданта, заселимся, и я поклянчу у сокурсников конспекты. Ага, вот так оно и случилось!

Стоило нам пересечь порог, как нас чуть не уронили. Я отшатнулась: гномы на совесть гоняли. А Маркус чуть не угодил под ноги опаздывавшему на занятия студиозусу. Повторное падение предотвратило только чудо. Никак иначе назвать пробудившуюся у будущего мага совесть язык не поворачивался. Но, поняв, что кого-то едва не сделал инвалидом, вихрастый паренек обернулся и широким жестом подстелил моему спутнику воздушную подушку.

– Не зевай! – бросил парнишка и скрылся за дверью, только пятки сверкнули.

От налета второго сони мы вовремя увернулись, отпрыгнув в разные стороны. Этот бы точно не остановился: перепуганный до потери пульса, он несся так, что сумка не успевала коснуться ягодиц.

– Неудачное время, – прокомментировал Маркус и, словно оправдываясь, добавил: – Этих магов предугадать невозможно. Надумаешь у наших прорицателей заказать работу по специальности, помни – деньги они не возвращают, а вероятность исполнения пятьдесят процентов.

– То есть каждое второе столкновение они предугадают?

– Нет, то есть каждое может произойти, а может и не произойти. Как карта ляжет.

– И зачем платить? – нахмурилась я, не понимая, зачем кому-то понадобились настолько точные пророчества.

– Там девушки красивые, – подмигнул мне Маркус, поймал мой насмешливый взгляд и добавил: – А парни уже который год «Короля университета» выигрывают.

– Хм, – только и смогла из себя выдавить. То есть платить предлагалось за просмотр. Причем не самого календаря столкновений, а того, кто тебе его придумывать будет. Не, лучше уже сходить к иллюзионистам и попросить себе качественный морок. Потом придешь домой, набросишь его на кота и любишься. Пропадет, конечно, через пару часов, но чутье подсказывало – «короли университета» работали быстрее.

– Студенческий давай, – напомнил мне Маркус. Сам он уже приготовил свою карточку и искал по карманам другую. – Пропуск, – пояснил он и извлек на свет божий картонный квадратик с номером комнаты и печатью общежития. По крайней мере, над входом висел точно такой же герб.

– Пропуск, – отобрав у меня студенческий, потребовала дама средних лет. Свет боялся встречи с ней, а потому невообразимым образом нарушал законы физики, минуя уголок смотрительницы.

– Она новенькая, как распишется у господина Порха, сразу же вернется и вам покажет, – елевым голоском принялся отчитываться о наших планах Маркус.

– Новенькая, говоришь? – недовольно хмыкнула тетенька и пристально на меня посмотрела. Я припомнила сравнение, которым ее наградил мой спутник, и была вынуждена признать: что-то в нем определенно было. Взгляд этой простой человеческой женщины пробирал до самых поджилок, а хватка, в которой оказались мои хлипкие документы,

заставляла подумать обо всех своих прегрешениях и сплотнуть. – Ладно, иди!

Кажется, выдохнули мы одновременно. Так же слаженно бросились в коридор, и только на лестничной площадке Маркус остановился, чтобы отдышаться.

– Пронесло! – выдохнул он, падая на ступеньку. – Ты мой счастливый билет! Думал, не отпустит. Вчера опоздал к комендантскому часу, пришлось по простыням наверх лезть. Три раза падал, пока наши клуши узлы вязать учились, – пожаловался парень. – Весь зад себе отбил.

Советовать чудодейственное средство от боли в пятой точке я не стала: не те у нас с Маркусом были отношения. А вот сочувственно вздохнуть было в моих силах, что я с искренней заботой и проделала. Еще и по головке погладила бедолагу.

– Да, не любят нас девчонки!

– А может, простыни связывать не умеют? – предложила я самую вероятную причину.

Маркус задумчиво покусал губу, но яростно отмел мое предположение.

– Нет, эти умеют. Когда красавчик Лест опоздал и просил ему косы вниз скинуть, ни одной осечки не случилось. А как я – так сразу руки кривые и луна не в той фазе.

– Тогда без вариантов. Учи – не учи, результат один выйдет.

– Но теперь у меня есть ты! – вдохновился рыжий недоэльфус, отряхнул брюки сзади и принял вид величественный и придурковатый. – Идем, нам еще к Порху на поклон идти, а потом имущество казенное по списку сверять. Как бы еще не придрался, что ты опоздала.

– Да я знать не знала, что мне комнату выделяют!

– В документах должно было быть, – пожал плечами парень. – На последней странице. Там всегда самое интересное прописано. Сумма долга, цена обучения, плюшки от родного деканата...

– Если бы, – протянула я. – Моя плюшка от родного деканата нашла меня на первой странице. Так что до остальных я не добралась: стала правила читать, искала, почему со мной так обошлись.

– Обошлись-то, да, некрасиво, но ты лучше об этом молчи, – понизив голос, сообщил мне Маркус. Мы как раз начали проходить жилые этажи, ибо до лестницы начали долетать разнообразные звуки, от стонов до гневных тирад. Жизнь бурлила, била ключом, брала молоток и закрепляла материал.

– Почему? – недоуменно переспросила я.

К третьему этажу Маркус начал сдавать. Темп ходьбы замедлился, дыхание сорвалось, на лице появились явные следы неудовольствия, сдобренные потом на висках.

– Да потому что для многих – это предел мечтаний, – хмыкнул парень. – Эльфоведы у нас в приоритете. Лучше только драконоведы и боевые маги. Но в драконоведы берут только с процентом драконьей крови, а в боевые – при наличии сильного дара. У большей части местного дворянства ни того ни другого не наблюдается, а эльфы... Кто не мечтал попасть к ним в леса, вкусить божественного нектара их пивоварен, познать неопытную красу эльфиечек...

Я подавилась и с удивлением, как будто увидела душевнобольного без сопровождения, воззрилась на Маркуса. Но он, казалось, был серьезен, как никогда. Мечтательная улыбка блуждала по его лицу, а руки очерчивали в воздухе малопривлекательный на деле силуэт. Да, до скульптора Маркус при всем своем красноречии не дотягивал. Позволь ему кто-нибудь из богов статую идеальной девушки лепить – оказался бы до глубины своей божественной души потрясен вкусами несчастного адепта.

– Маркус, а ты уверен в своих словах? – осторожно поинтересовалась я, обогнала парня на пару ступенек и проверила, нет ли температуры.

– Разумеется! Те, кто уже был на практике в Аори, лесах то есть, в один голос утверждают, что все описанное правда и им жаль, что у них это благословенное время уже кончилось.

– Ма-арк, – протянула я. – А давай логически порассуждаем?

– О чем? – недовольно хмыкнул парень, вырываясь вперед, но разворачиваясь ко мне лицом. – Все именно так и есть.

– Думаешь? А эльфы, они тоже такие благородные, первую любовь свою среди убогих человечек ищут, спать ночами не могут – стихи пишут и на луну воют?

– Тари, прости, конечно, но то, что ты говоришь, – бред чистой воды.

– Именно! – я нравоучительно подняла палец вверх. – Это ты понимаешь. Но если про эльфов врут, неужели с эльфийками дело обстоит иначе?

Маркус задумался, мучительно и страстно. Лицо его сначала покраснело, потом побагровело, а после и вовсе побледнело. Разве что легкая прозелень радовала глаз на этом белом холсте прозревшей физиономии студента.

– Гады! – с чувством выдал он. – Ничего святого для них нет. А я как дурак повелся...

– Ну, допустим, не как дурак, – успокоила я соратника. – Просто ты очень хотел, чтобы это оказалось правдой. Я вот так мечтала о встрече с великим гномом Анджеем Зарези, а, оказалось, такого не существует. Его придумал один жестокий писатель и забыл предупредить в начале книги, что история вымышлена и совпадения с реальными гномами – случайны.

– Изверг! – Маркус сочувственно похлопал меня по плечу. – А я всю жизнь верил в Снежную Фею, а, оказалось, – родители меня обманывали.

Я хихикнула, до того невероятной была вера здорового студента в маленькую феечку, приносящую подарок по случаю первого снега. Хотя и у гномов был похожий персонаж. Старина Мот. Когда твой молоток приходил в негодность, нужно было отнести его в специальное место – по сути, пункт приема сломанных вещей – и получить свой подарок – новый молоток, а если еще и в день рождения это сделать, то вдобавок давали и набор инструментов для более тонких работ. У меня до сих пор хранился последний бонусный комплект. Увы, после пятнадцатилетия программа переставала действовать.

– Нет, ну я все равно не могу понять, зачем им так поступать? – взвился, как осой укушенный, Маркус и вопросительно уставился на меня, будто мне были ведомы ответы на все, даже самые глупые вопросы.

– А давно легенды ходят о неземной красоте и далее по тексту? – прикинула я масштабы аферы.

– Лет двадцать уже, – помедлив, ответил парень.

– Вот, наверняка еще тогдашние выпускники слухи пустили. Может, на пирушке случайно обмолвились о своих тайных желаниях, а по факту получили какую-нибудь прополку или поливку вечнозеленых лесов. А все же запомнили и, когда хвастуны вернулись, спросили, так ли все обстояло. Не могли же эльфоведы признаться и выставить себя дураками? Не тот уровень, не тот размах – с тех пор каждый курс разочаровывается, но признаться – духу не хватает. Я так полагаю.

– Они могут, – мрачно подтвердил парень.

Мы продолжили наше восхождение, чтобы совсем не впасть в депрессию. Разгоним

кровь – может, и полегчает. Но с каждым шагом мой спутник шел все медленнее, пока вновь не остановился как вкопанный.

– Но своим-то могли бы сказать? – недовольно воскликнул Маркус, образовывая затор. – Мы бы никому не проболтались!

– Да, но вы бы избежали разочарования. Как думаешь, это было бы справедливо в глазах предшествующих поколений, попавшихся на такую ложь? Вот ты сам как бы поступил?

Маркус хмыкнул, полностью подтверждая мои догадки. И он бы промолчал. Все бы промолчали. Люди, эльфы – уж точно бы, а вот гномы... На моем лице вновь расцвела глупая улыбка. Пока остальные расы наступают на грабли, гномы грабли медленно утаскивают в сторону. Инвентаря никогда не бывает много, а доставшегося тяжелым столкновением с реальностью тем более.

– А ты разве нет? – решил успокоить себя самым глупым образом парень.

– Нет, – пожалала я плечами. – Твое разочарование я уже увидела, хотя обошлась бы и без этого. Но в одном ваши предшествующие обманщики правы.

– И в чем же?

– Они не стали разрушать ваши мечты, не стали смеяться над вашей верой. И вы разочаровались бы наедине с самими собой или в группе таких же смущенных студентов. Никто не стал бы лучше или хуже, вы были бы равны в своем горе. Оно сплывает, общее горе, и не дает измываться друг над другом. Надеюсь, и ты не станешь смеяться над теми, кто искренне верит и ждет этой поездки.

– Не буду, – пообещал Маркус. – Но ты права, искушение довольно велико.

– Если решишь рассказать – то рассказывай всем и сразу. Узнаю, что начал издеваться над окружающими...

Я погрозила ему кулачком, сделала попытку изобразить ужасающую гримасу, но без должных тренировок у меня редко выходили шедевры.

– Хорошо, – тяжело вздохнул парень, отступая на шаг назад и едва не спотыкаясь о ступеньку. Прямо день невезения какой-то у Маркуса! – Не делай такое лицо, – попросил он, отойдя от шока. – Я начинаю думать, что оказался на балу и вокруг меня смыкается свора придворных овчарок.

– Собаки ничем не провинились, – себе под нос пробормотала я и уже громче сказала: – Теперь ты знаешь, какая кара тебя ждет.

– Знаю-знаю, – заверил меня эльфовед и остановился на лестничной клетке.

Судя по отсутствию запахов, на этаже проживали либо гномы, либо администрация. Первые предпочитали сорить не у себя дома, а вторым по должности было не положено разводить бардак на рабочем месте. Большой стенд с правилами внутреннего распорядка подтвердил вторую теорию. Мы добрались до самого пугающего места общежития – обители контролирующих служб.

Особый шарм этажу придавали обои в крупную ромашку. Желтенькие, с белыми доброжелательными цветочками, они заставляли сглатывать от одной только мысли о человеке, сумевшем сохранить их в целостности и сохранности в здании, полном студентов. Плинтусы, которые, верно, скрывали кривую поклею настенных драпировок, старательно мыли двое не слишком счастливых студентов. Воду в их ведрах давно стоило заменить, но трудяги тряпок и мыла чихать хотели на условности.

– Чем провинились? – шепотом спросил Маркус, опускаясь на корточки перед одним из страдальцев. Цвет его волос не оставлял сомнений, что перед нами представитель

эльфоведов. Теперь понятно, почему вся моя группа – как один блондины и блондинки и одна я ры... русая на всю голову.

– Опоздали на заселение, – будто специально для меня, ответил парень и утер пот со лба. – Ну и так, по мелочи. Полотенце не вернули с прошлого семестра, пол поцарапали, стену случайно раскрасили.

– И за все это вас заставили мыть полы?

– Не полы, а плитусы! – явно передразнил кого-то страдалец. – И не за все, а за «пренебрежение к лучшим поэтическим образцам. Взались писать на стенах – делайте это красиво. Чтобы в следующий раз или рифма точная и небанальная, или все стены мыть будете, пока писать не научитесь!»

– Блин, а не могли на день позже написать? Он же теперь зверствовать будет, – расстроился Маркус и виновато развел руками, как будто это он был виноват.

– Да не будет, – фыркнул коллега первого страдальца. – Одна рифма ему угодила, так что все не так плохо. Еще нас похвалили за использование дольника. Так что в целом Порх остался доволен. А вы тоже накосячили и сдаваться идете?

– Сдаваться? Нет, заселяться идем. Новенькую веду.

– Эту, что ли? – рассмеялся парень и плюхнул тряпку в ведро. – Ну удачи! Это, видимо, тебя он с утра поминал. Единственная не явилась на инструктаж и ключи не забрала.

– Я не знала.

– Вот-вот, так ему и скажешь. Не забудь потом поделиться, сколько минут орать будет.

Я вздохнула. Больше, чем глупость, я не любила крик. А эта парочка шла рука об руку у большинства начальников мелкой руки. Под сочувственными и в большей степени азартными взглядами коллег я дошла до черной двери с золоченой табличкой. По ее углам вились финтифлюшки, заставившие меня подумать о нехорошем. Только одна раса так любила извращаться над официальными табличками. Только худшие – по мнению самих эльфов! – ее представители заказывали роспись у мастера Харана. И только мысли о его клиентах нагоняли ужас на всех порядочных гномов.

Закрыв глаза, я постучала в дверь.

– Войдите, – позволил хозяин кабинета.

Если табличка не врала, то обитал здесь мастер Савелиус Порх, главный комендант общежития номер четыре Лескантского университета имени Рудольфа Великого. Так и никак иначе. Я еще раз пробежалась глазами по надписи, запоминая все до последней буквы, и потянула дверь на себя.

Кабинет мастера Порха удивил меня с первых минут. Разглядев имя на табличке, я, признаться, не поверила словам двух страдальцев в коридоре. Ни один гном в здравом уме и трезвой памяти не станет хвалить рифмы и уж тем более пристрастия к древним размерам. Гном скорее оценит смекалку лазутчиков, состав краски или, на худой конец, быстроту их отхода с места преступления. Но никак не эстетическую сторону вопроса!

Увы, мастер Порх не был приличным гномом. Ни один представитель семьи Порхов не считался приличным в традиционном гномьем обществе. Мало того что они жили на самой окраине и регулярно выбирались на человеческие приемы, так еще их младшие родичи уехали жить в эльфийские долины. Разумеется, по велению многомудрого владыки всея гор. Но! В назначенный срок, когда их посольские полномочия истекли, младшие Порхи отказались возвращаться. Лес и эльфы стали им милее мерного грохота штолен, скрипа вагонеток и жестяных кружек таверн. Такого предательства гномы простить не могли.

Старшим Порхам сочувствовали всем горным народом, а младших больше и на порог не пускали. Те в ответ взбесились и сказали, что ноги их в Подгорном царстве не будет. История эта случилась лет двести назад, но гномы до сих пор рассказывают своим детям о вероломных Порхах. С тех пор ни один гномий клан не имел с младшими Порхами никаких дел. Ни один, кроме мастера Харана, который прославился своей склонностью к неумемному эстетству.

– Здравствуйте, мастер, – покривив душой, поздоровалась я. Хотя ко мне Порхи не имели никакого отношения, презреть вбиваемые с детства традиции оказалось не так просто.

Головы я не поднимала, брошку стянула еще перед дверью, усмотрев фамилию коменданта. У него не было поводов, чтобы ко мне придраться. Никаких! Ни один гном бы не посмел меня упрекнуть. Но гномьих генов в мастере Порхе – тогда какой он мастер?! – было с наперсток.

Хмыкнув, как самый настоящий эльф, он осведомился:

– Опоздавшая из комнаты двести пятьдесят семь?

– Да, мастер.

Я героически изображала смирение и покаяние. Именно так – глазки в пол, руки по швам, лицо в меру придурковатое и о-о-очень расстроенное – должен оправдываться образцовый подмастерье. Я знаю, я на практикум по межклассовым отношениям ходила каждую неделю.

– Хм, – видимо, что-то гномье в отпрыске Порхов все-таки осталось. – На меня хоть посмотришь?

Я кивнула, но глаз поднимать не стала. Опять эта проверка на вшивость. Провинившийся подмастерье не должен смотреть своими наглыми глазенками в глаза начальству. Даже если тот этого хочет. Даже если кричать и угрожать начнет. Нельзя!

– Занятно, – протянул отпрыск Порхов. Назвать его гномом у меня язык не поворачивался. Даже для наименования «мастер» приходилось засовывать свою гордость подальше. Благо у меня имелся компактный набор без дополнительных наворотов. – Перевелась, значит?

– Да, мастер, – бодро отчиталась я. Раз начались вопросы, гнев должен ме-е-е-едленно сходиться на нет.

– Из Гор? – поразил меня своей интуицией Порх-младший.

– Да, мастер, – отрицать очевидное было глупо. Наверняка же у коменданта есть личные дела постояльцев.

– И как там, в царстве? – вкрадчиво уточнил комендант.

– Все как прежде! – отрапортовала я. Игра в подмастерье начинала меня утомлять.

– Значит, кто я, ты знаешь?

– Никак нет! – Меня начало заносить слегка не в ту степь, но Порх это воспринял благосклонно.

– Неужели? Врешь ведь. Сомневаюсь, что нашу историю перестали трепать на каждом углу.

– Не перестали, мастер, – подтвердила я.

Односложность ответов утомляла, а потому я стала исподволь разглядывать кабинет коменданта. Изящный стол на крученых ножках, какого ни один уважающий себя... Впрочем, это и так понятно. Ничего из того, что имелось в кабинете Порха, не могло бы занимать

место в кабинете настоящего гнома.

Резные стулья, которыми следовало любоваться, изумляли тонкостью своих ножек. Усевшись на такой, гость может очень быстро оказаться на полу, даже если он – фея. Книжные полки покоились на подставке, будто ваза. Бедные ноженьки опоры уже трещали по швам, а хозяин кабинета только доставлял наверх цветов. Дырявые кованые вазы, нежно-розовые папки для личных дел поселенцев каждого этажа. Перо с инкрустацией и чернила с блестками. Ароматизированная бумага – испытание для любого оборотня или более-менее чувствительного человека. Виссоновые занавески, из которых проще было пошить парадное одеяние... Н-да, и это я умолчала про нежно-кремовые обои и плитку с натюрмортом из цветов. Да уж, куда я попала...

– В таком случае, – продолжал испытывать мое терпение комендант, – что вам известно обо мне?

– Ничего, мастер, – продолжила отнекиваться я, поражаясь самомнению младшего Порха.

Если о старшем поколении их семьи я имела определенные сведения, так как нельзя ничего не знать о соседях, то младшими в Горах не интересовался никто. Обсуждать их и вовсе было темой запретной, да и лишенной какой-либо пользы. Вероятно, из-за последней причины о младших Порхах и забыли, стерев даже их имена из памяти подрастающего поколения.

– Ничего? – Недогном изволил гневаться. Ну нельзя так! Все традиции нарушает. Хотя от кого я хочу их соблюдения? Это же Порхи... Духи, дайте мне терпения!

– О наследниках семейства Порхов почтенным жителям царства не известно ровным счетом ничего, так как эта информация не представляет ценности для развития торговых отношений. История не помнит ни лиц, ни имен, ни количества детей семейства Порхов. История данного клана закончилась на мастере Густаве Порхе и мастерице Живьен Порх. Их мануфактура перешла в общественную собственность, когда почтенные гномы решили посвятить себя отдыху, – не смогла удержаться от исторической справки я. У меня оставалась надежда, что вот теперь недогном отстанет от меня и мы наконец перейдем к делу, но Порх-младший не унаследовал хватки своих предков и время не ценил.

– А еще что известно? – печально спросил комендант. – Ты садись давай, я травы заварю. Расскажешь, как там родичи...

– А мое заселение? – напомнила я причину своего появления на пороге его кабинета.

– Потом обсудим, – отмахнул от работы комендант. – Ты лучше про деда расскажи? Как они там? Родители, может, и не хотят про них ничего знать, а я скучаю. Малый совсем был, плохо их помню, всего раз к нам приезжали.

Кажется, я все-таки ошиблась. Что-то от истинного гномьего наследства досталось и мастеру Порху. И за любовь к семье, особенно гномьей ее части, я могла простить ему все остальные странности. Ведь могут у хорошего человека быть свои недостатки? Могут.

– Хорошо, расскажу, – пообещала я. – Только я скажу, чтобы меня не ждали?

Я покосилась на дверь, намекая, что, кроме отбывающих наказание студентов, там имеется еще и группа поддержки, которую стоило бы успокоить и отпустить, раз уж выволочка превращается в посиделки без регламента.

– Скажи, – разрешил почти гном и поднялся на ноги.

До этого момента он сидел, и я не могла заметить одну интересную особенность своего собеседника. Но стоило ему выпрямиться в полный рост, я не сдержала удивленного

восклицания. Любой, кто видел гномов два-три столетия назад, не верит нынешним рассказам об их среднем росте, едва ли ниже обычного человеческого. Но мастер Порх-младший и верующих способен был удивить. В отличие от своих горных собратьев, комендант был высок. Даже по людским меркам. Как будто эльф какой-то! Мне с моим средним человеческим стало как-то не по себе, когда я прикинула, насколько Савелиус выше меня. Да в нем же не меньше двух метров! Гномик... Маленький...

От удивления я даже забыла, что должна изучать пол, а не лицо своего собеседника. Но и тут было на что посмотреть. Мало того что ростом вышел, так еще и уши имел не гномские, лопаухие, а аккуратные эльфячьи, с заостренными кончиками. Если бы еще черты лица не подкачали, вообще от эльфа бы не отличить было, но лицо коменданта походило на вытесанный камень. Грубые линии, практически не обозначенный нос, глаза разве что – большие и наивные, как у новорожденного эльфа.

– Да, сам знаю, уши немного великоваты, – повинился гном, как будто один градус кривизны бросался в глаза и затмевал все остальное.

– Бывает, – совсем уж непочтительно протянула я, не зная, как себя вести с настоящим чудом. Учитывая, что в роду Порхов вот уже десять столетий рождались только мальчики, сомневаться в расовой принадлежности маменьки мастера не приходилось.

– Ну, ты скажи там, чтобы расходились. И этим, поэтам, тоже амнистия. В следующий раз, как попадутся, – отработают, – пообещал Савелиус, вспомнив про обязанности коменданта. Эта рассеянность ему явно от эльфов досталась, как и всепрощение по случаю праздников. Испортила матушка ребенка, ой испортила. – А группу поддержки сюда зови, и на него питья хватит.

Я исполнительно выбежала за дверь. Страдальцы продолжали драить плитусы, а рядом с ними шел Маркус. Помочь беднякам руками он, конечно, не захотел, но морально поддержать не отказался. Едва сдерживаемый смех все же долетал до дверей коменданта, но, к их радости, разбивался о дверь.

– Маркус? – позвала я сообщника. – Иди сюда.

Услышав, чего от него хотят, парень втянул голову в плечи и медленно отрицательно качнул головой.

– Отвара выпить, – успокоила его я. Парень недоверчиво покосился на дверь. Я утвердительно кивнула. Именно на отвар. Без шуток.

– Ладно, – неуверенно протянул студент и мелкими перебежками направился в мою сторону. Ждал, видно, что сейчас из кабинета выскочит злобный комендант, затащит его в кабинет и выдаст такую же тряпку и ведро.

– Ребят, вас помиловали! – обрадовала я страдальцев. Тот, с которым говорил Маркус, выронил тряпку. Увы, выжать ее он не успел.

– Блин! – выругался он. – Так и знал, что что-нибудь, да испорчу.

– Серьезно? – Второй не был столь легковерен. – И никаких дополнительных условий?

– С условием, – подтвердила я. Парень с облегчением выдохнул и выжал тряпку. Вода стекла прямо в ведро. – Попадете еще раз – отработаете и за сегодня.

– Так просто?

– А вы не попадитесь сначала, – хохотнул Маркус, но быстро сдулся, заметив, что находится в опасной близости от двери. – Ты уверена, что мне стоит туда идти?

– Тебя пригласили, – пожала я плечами и взяла трусишку за руку. Холодную, как будто лед держал без варежек.

Парень сглотнул, но отступить не стал. Репутация вещь такая – один раз дал слабину, и все, ушла к другому. Еще и страдальцы решили подождать, пока мы не уйдем, чтобы обсудить свои дальнейшие планы в приватной обстановке. Вероятность того, что им помешают на комендантском этаже, была столь ничтожна, что они могли себе позволить кричать: все десятой дорогой обходили опасную зону общежития.

Дверь открыла я. Руки Маркуса подрагивали. Совесть у парня была нечиста, но поведать о своем грехе он уже не успевал. Неужели это все из-за простого полотенца? Или сдачу чего он успел просрочить?

– Отвар почти заварился, – обрадовал нас Савелиус, едва парень решился и переступил порог. – О, господин Флей, рад вас видеть. Не хотите объяснить, когда уже вернете казенную собственность?

– Завтра, – сник с лица парень и обвинительно взглянул на меня. – С утра... – добавил Маркус, сглотнув. – На рассвете.

– Можете не торопиться, – отмахнулся комендант. – Это такая ерунда! – И когда парень выдохнул с облегчением, добавил: – Подождет до послезавтра. Я буду в общежитии в обед, с двенадцати до часу. Лучше будет, если вы успеете.

О возможных карах мужчина решил умолчать, чтобы не портить себе настроение перед полдником воспоминаний. Я набрала в грудь побольше воздуха и начала рассказывать все, что знала о семействе Порх и их судьбе за последние сто пятьдесят лет. Именно тогда состоялась первая и единственная встреча подрастающего эльфо-гномьего мастера со своими бабушкой и дедушкой. Невесту семья не приняла, поэтому молодая чета Порхов не смогла вернуться в родное царство даже спустя многие годы после скандала. Об эльфийке, разумеется, в гномьих преданиях не было сказано и слова.

Еще никогда я не была так выжата. Савелиус Порх оказался истинным гномом. В дотошности ему не было равных. Эльфийское же терпение позволяло снова и снова задавать неприятные вопросы, даже не задумываясь о том, насколько удобно собеседнику на них отвечать. От меня потребовали абсолютно все доступные сведения. Особое внимание молодой Порх уделял домашней обстановке. Как эльф какой-то! Обивка мебели интересовала его больше, чем банковский процент от накоплений или завещание стариков. От этих сведений он отмахнулся как от чепухи какой-то! И это гном?!

Пытка кончилась лишь с наступлением сумерек, когда у мастера закончился рабочий день. Ровно в шесть часов, едва секундная стрелка минула нулевую отметку, мужчина поднялся и направился к шкафу. На нас он внимания не обращал. Маркус, вынужденный слушать биографию семейства коменданта, тихо страдал. Спать ему не позволял выпитый бодрящий настой за авторством самого хозяина кабинета.

– Мастер Порх! – напомнила о своем присутствии я. – Мы так и не оформили мое заселение.

– А? – удивился гном, как будто о цели моего визита он не был осведомлен заранее. – Ах да. Комната?

– Двести четырнадцать, – напомнила я, поднимаясь и пихая Маркуса вбок, чтобы не отставал.

– Да, идемте, – рассеянно откликнулся гном и сделал шаг за порог.

– А ключи? – Возвращаться на десятый этаж со второго, да еще и по лестнице... Удовольствие за гранью желаемого. В смысле, никто такого не пожелает.

– Ключи... – Как больной лунной лихорадкой, мастер вернулся к столу и очень медленно, будто плохо различал контуры предметов, начал открывать ящички. Спустя четверть часа ему удалось найти нужный ключ. Маркус к этому времени успел изрядно устать и вновь присел на стул, обнимая спинку, как любимую девушку.

– Нашел, – отчитался недоэльф.

– Идемте, комната двести четырнадцать, – радея за собственное время, напомнила я. Мне пора уже было явиться домой, в семь подавали ужин, и если от меня не будет вестей... Лучше сразу выйти замуж и явиться под утро замужней дамой. Иначе романтично настроенная матушка не поймет.

Чудом мы спустились по лестнице всего за пять минут. Ни Порх, ни Маркус ни разу не оступились. Студенты, которые к вечеру начали возвращаться домой, старательно уклонялись от встречи с нами, а потому лестница практически всегда оказывалась безлюдной. Лишь один бедолага оказался зажат посередине переходов и не смог вовремя убежать на этаж. Порх мазнул по нему внимательным взглядом, но, кажется, за пареньком еще не числилось прегрешений.

Мы спустились на второй этаж и, о чудо, комната двести четырнадцать находилась именно здесь. Седьмая дверь по левой стороне. Рядом с ней покоился колченогий табурет.

– Хм, – недовольно выдал мастер Порх, присаживаясь рядом с мебелью и внимательно оглядывая ножки. Кажется, ему удалось найти искомое, ибо в следующую минуту коридор огласил недовольный рык коменданта: – Дарус, почему твой стул стоит здесь?!

Маркус, стоящий рядом со мной, сглотнул и поспешил вжаться в стену. Как-то комментировать происходящее он отказался, покачал головой и испарился. Учитывая, что его руку на своем запястье я все еще ощущала, в прятки студент играл не со мной.

В конце коридора хлопнула дверь, и, нервно подергивая плечами, навстречу нам выбежал рыжий паренек, отвесил уважительный поклон коменданту и юркнул на лестницу. Там, откуда он только что выбежал, послышались грузные шаги.

«Тролль, каменный, – определила я. – Не подружимся».

Видимо, о чем-то похожем подумал и мастер Порх, растерявший свою сонную рассеянность. Мужчина прытко переместился к двери, открыл мою комнату, сунул в руки ключи и закрыл дверь, убирая меня из зоны боевых действий. Рыцарь, как есть рыцарь!

Щелкнув замком, я припала ухом к щелке и приготовилась слушать.

На той стороне умоляюще закрипели половицы, пританцовывая перед моей дверью. Верно, Порх заметил только меня, а потому и в комнату попала лишь моя персона. Маркуса же забыли переместить. Минусы невидимости налицо.

Я бы пустила его, но шаги сменили тональность, а значит, студент покинул места своей вольницы и бухает в сторону коменданта. Увы, какими бы медлительными ни были тролли, запоминали они все и надолго. Вот так наступишь на ногу одному, извинишься, забудешь, а он – нет. Он не простит, он помнить будет. До конца своих дней, и всем внукам передаст, если ты, не дай Анхус-долгожитель, маг и на роду написана жизнь долгая. Не позволит скучать кровнику тролль, всех на уши поставит. Повод давно сотрется из памяти поколений, а месть будет свершаться. Наверное, поэтому экономическая ситуация в тролльем царстве оставляет желать лучшего.

[Купить полную версию книги](#)